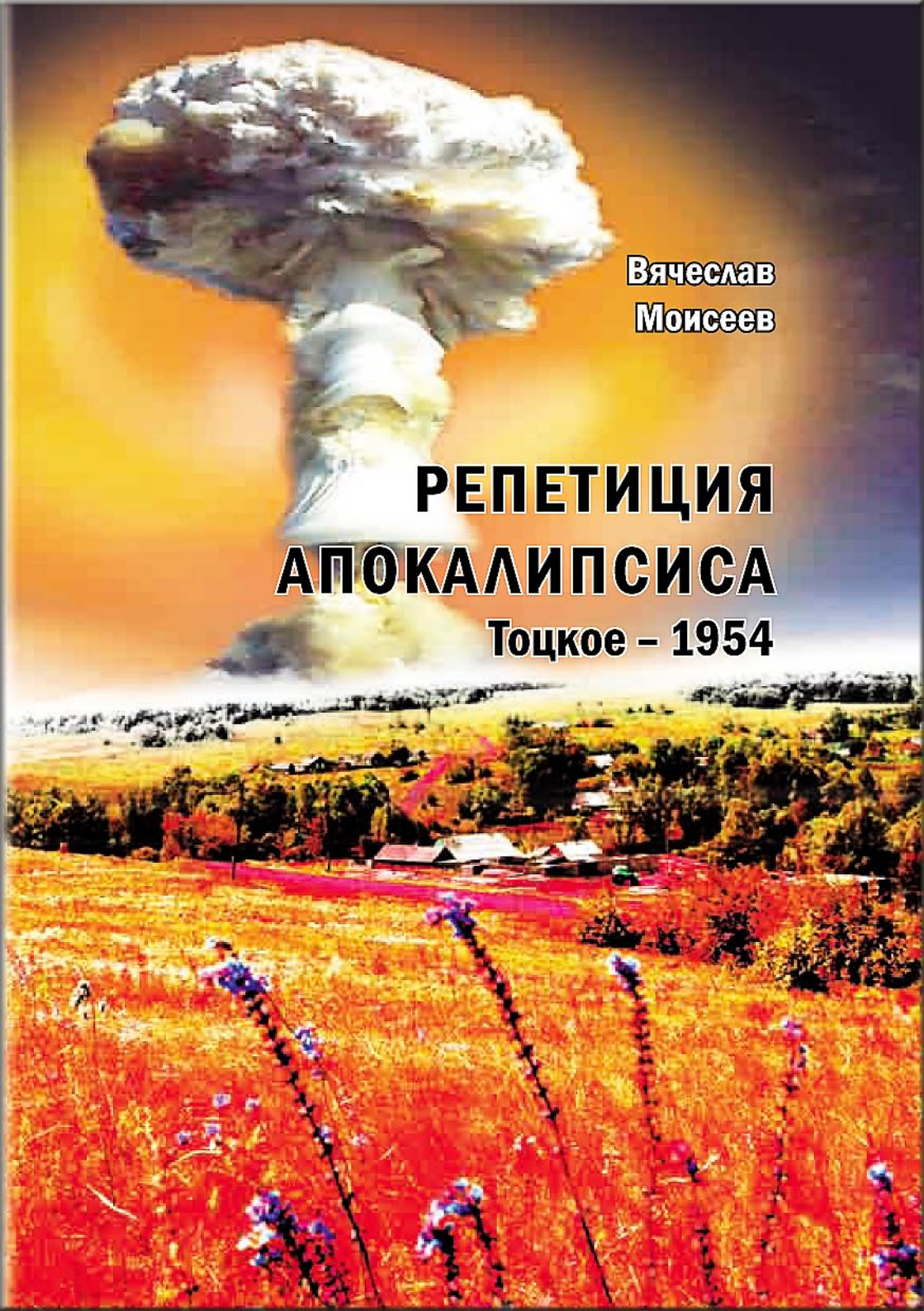


Вячеслав Моисеев

РЕПЕТИЦИЯ АПОКАЛИПСИСА

Тоцкое – 1954

Вячеслав Моисеев

РЕПЕТИЦИЯ АПОКАЛИПСИСА

Тоцкое – 1954

Свидетельства о войсковых учениях с применением атомного оружия в Оренбургской области

Оренбург
2011

УДК 9 (С) 27
ББК 63.3 (2)
М 74

Автор благодарит за поддержку в выпуске этой книги
министра образования Оренбургской области **В.А. Лабузова,**
президента фонда «Регионразвитие» **М.Ф. Коннова,**
заместителя главы города Оренбурга,
секретаря политсовета Оренбургского регионального отделения
партии «Единая Россия» **А.А. Шевченко,**
исполнительного директора ОАО «Оренбургская
теплогенерирующая компания» **А.А. Влазнева,**
председателя правления ОАО «БАНК ОРЕНБУРГ» **Ю.В. Самойлова.**

М 74

Моисеев В.Г.

Репетиция Апокалипсиса. Тоцкое – 1954. Оренбург: ОАО «ИПК «Южный Урал», 2011. – 136 с.: илл.

ISBN 978-5-94162-076-0

Документальная повесть «Репетиция Апокалипсиса» – результат более чем двадцатилетней исследовательской работы автора. Сведения о Тоцких атомных учениях 1954 года он начал собирать по крупицам еще в конце 1980-х, но только с отменой цензуры в СССР появилась возможность публиковать статьи об этой самой большой тайне Оренбуржья. Со временем публикаций набралось столько, что они, основательно переработанные и дополненные, составили эту книгу. Ее основа – свидетельства участников войсковых учений 14 сентября и мирных оренбуржцев, ставших очевидцами, а то и жертвами атомной бомбардировки. Отдельные главы – «Сопротивление материала» – рассказывают о том, как непросто было пробиться к правде, о том, как в нашей стране побеждала гласность.

Это книга об ответственности ученых, военных, власти – всех, кто поставил Тоцкий эксперимент, – перед народом, перед Россией, перед историей.

УДК 9 (С) 27
ББК 63.3 (2)
ISBN 978-5-94162-076-0

© В.Г. Моисеев

1. Последние дни

СООБЩЕНИЕ ТАСС

В соответствии с планом научно-исследовательских работ, в последние дни в Советском Союзе проведено испытание одного из видов атомного оружия. Целью испытания было изучение действия атомного взрыва.

При испытании получены ценные результаты, которые помогут советским ученым и инженерам успешно решать задачи по защите от атомного нападения.

Газета «Правда», 17 сентября 1954 года

Это все, что полвека назад было позволено узнать гражданам СССР о событии, произошедшем 14 сентября 1954 года на военном полигоне в тринадцати километрах севернее районного центра Тоцкое Чкаловской области, на полпути между Куйбышевом (Самарой) и Чкаловом (с 1957 года – вновь Оренбургом), примерно в двухстах километрах от одного и от другого города.

Но оренбуржцы, особенно жители западных районов области, практически со дня взрыва, пусть не из официальных сообщений с фактами и цифрами, кто лично, а кто из устных рассказов-свидетельств знали, что же именно случилось на Тоцком полигоне в то по-летнему солнечное и жаркое утро. Да, атомные учения хоть и считались великой советской тайной, но за годы, когда трепаться о делах государственных было не принято (потому, в первую очередь, что небезопасно), превратились для нас, оренбуржцев,

в некое предание, которое узнавал каждый с самого детства от тех, кто видел ядерный взрыв своими глазами, или от тех, кто очевидцев учений знал лично. И это не удивительно: шила в мешке не утаишь, солнца рукой не закроешь, атомный гриб в сейф не засунешь.

Мы жили много лет с сознанием причастности к жуткой тайне, а когда в перестроечные годы дверца секретного сейфа слегка приоткрылась и мы увидели, что именно составляло этот наш секрет, то поняли: жить с этим ужасом придется не только нам, но и внукам нашим, и правнукам, и праправнукам... Ибо продлится наша атомная история двадцать четыре тысячелетия. Но об этом немного позже.

Итак, теперь каждый житель Оренбургской области уже совершенно точно знает: 14 сентября 1954 года на Тоцком полигоне в ходе войсковых учений была взорвана атомная бомба мощностью около 40 килотонн в тротиловом эквиваленте. Она почти в два раза превосходила по своей разрушительной силе каждую из тех бомб, что американцы в августе 1945-го сбросили на Хиросиму и Нагасаки.

Советский Союз свою первую атомную бомбу испытал только в 1949-м. Нельзя не признать, что четыре года для создания атомного оружия практически с нуля – срок рекордно короткий. И одним только страхом наших ученых-атомщиков во главе с Игорем Васильевичем Курчатовым перед Сталиным и Берией такой рывок не объяснить. Просто ученые не хуже руководителей КПСС и Советского государства понимали, что рано или поздно США, недавний наш союзник по антигитлеровской коалиции, применит свою новенькую и такую соблазнительную «ядерную дубинку». И после Хиросимы и Нагасаки она может обрушиться

на Москву, Ленинград, Киев, Минск, Свердловск, Куйбышев… Поэтому в стране, только что пережившей самую кровавую и разрушительную войну в истории человечества, которая отняла жизнь у 26 миллионов советских людей и лишила СССР, по некоторым оценкам, до половины экономического потенциала, не пожалели сил и средств на создание ядерного щита. Люди порой на коровах пахали, сами в плуг впрягались, но понимали: Родину защищать необходимо.

К тому же данные, поступавшие от наших разведчиков, действовавших в Соединенных Штатах, подтверждали наихудшие опасения. «В 1954 году стратегическая авиация США имела на вооружении более 700 атомных бомб, – пишут авторы книги «Ядерные испытания СССР» в 1-м томе. – США провели 45 ядерных испытаний, включая две ядерных бомбардировки японских городов Хиросимы и Нагасаки. Вопросы применения атомного оружия и защиты от него были широко проверены не только на полигонах, но и на войсковых учениях армии США. К этому времени в СССР было проведено только восемь испытаний атомного оружия. Изучены результаты атомной бомбардировки авиацией США японских городов Хиросимы и Нагасаки в 1945 году. Характер и масштабы поражающего действия этого грозного оружия были достаточно известны. Это позволило разработать первые инструкции по вопросам ведения боевых действий в условиях применения атомного оружия и способам защиты войск от поражающего действия атомных взрывов. С точки зрения современных представлений, изложенные в них рекомендации во многом верны и сегодня».

К 1954 году советскому руководству стал известен план американского правительства (и это был не единственный подобный план) под названием «Дроп-

шот», согласно которому в одну из новогодних ночей на 100 советских городов предполагалось сбросить 300 атомных бомб. Примерно 65 миллионов наших соотечественников при этом попрощались бы не только со старым годом, но и с собственными жизнями. Естественно, ответ СССР не заставил бы себя ждать, и спустя несколько часов уже Америка могла заполыхать ядерным костром. Земле грозил Апокалипсис – так называли конец света евангелист Иоанн Богослов, апостол Петр и другие первохристианские писатели, считавшие, что миру, погрязшему во грехе, существовать осталось недолго. Спасутся лишь истинно верующие. В 1950-е годы от Рождества Христова очень и очень многие вполне соглашались с апокалиптиками, только спасения не чаял никто.

14 сентября 1954 года в Оренбургской области состоялась генеральная (или генеральская?) репетиция Апокалипсиса.

Чаще всего оренбуржцы, знакомясь с подробностями проведения атомных учений под Тоцким, задают два вопроса: «Зачем это было нужно?» и «Почему именно у нас?». Конечно, многим (особенно тем, чье мировоззрение формировалось в перестроечные и постперестроечные времена) сейчас трудно представить атмосферу, в которой готовились учения 54-го: разгар холодной войны, только что окончилась «горячая» война в Корее, где СССР и Америка, пусть и не афишируя этого, впервые столкнулись на поле боя, в марте 1953-го умер Сталин, до разоблачения его культа личности Хрущевым на XX съезде КПСС еще два года, а до подписания договора с США и Великобританией о запрещении испытаний ядерного оружия – девять лет, ознаменовавшихся Карибским кризисом, ко-

торый поставил мир на грань ядерной войны. Советский Союз и Соединенные Штаты (еще в 1949-м создавшие блок НАТО) – враги более чем когда бы то ни было раньше.

Словом, СССР, догоняя США, активно готовился к ядерной войне, вынужден был готовиться. Поэтому ученым и армии было необходимо выработать методики защиты войск и населения от смертоносного оружия. В 1951 году в нашей стране прошли штабные учения с имитацией применения ядерной бомбы. Американцы с 1951-го по 1956 год провели восемь войсковых учений с применением атомного оружия.

Иное дело, что никто и никогда – до 1954 года – не взрывал атомный заряд в густонаселенном районе. А ведь только так мы можем назвать ту местность, где находится небольшой по размерам Тоцкий полигон (примерно 10 на 10 километров). Посудите сами: он расположен всего в сорока километрах от Бузулука и в тридцати от Сорочинска, окружен поселками и селами, до ближайшего из которых – Маховки – всего четыре километра. Маховка и сгорела почти вся в атомном пламени 14 сентября…

То есть зачем были нужны такие учения – понятно. Но до сих пор вызывает самые черные подозрения вопрос второй: почему их провели именно в Оренбургской области, причем в ее наиболее населенной западной части? Попробуем ответить на этот вопрос.

СОПРОТИВЛЕНИЕ МАТЕРИАЛА

Родившись спустя восемь лет после Тоцких учений, я не мог, конечно, даже предположить, когда, еще не умея читать, с увлечением раскрашивал цветными карандашами брошюру «Воен-

издата» о поражающих факторах атомного оружия, что эта книжка с картинками, хранившаяся у нас дома в селе Родничном Переволоцкого района, написана на основе сведений, полученных во время учений 1954 года. И уж, разумеется, не ведал, что всего-то в сотне километров на запад от нашей деревни взорвали атомную бомбу.

Естественно, позже я узнал от родителей о Тоцком взрыве. Но первые подробности об атомных учениях услышал от полковника Николая Ивановича Пастухова, учителя начальной военной подготовки (НВП) моей школы № 39 Оренбурга. В 1979 году он рассказывал нам, десятиклассникам, что в 54-м, когда был еще молодым офицером, его подразделению накануне 14 сентября поставили задачу выдвинуться к месту эпицентра и занять позицию в нескольких километрах от него. После взрыва, надев средства защиты, наш будущий учитель вместе с другими солдатами и офицерами проследовал через зараженную радиацией местность. Подробности о расплавленных в алюминиевые лужи самолетах, умирающих от сильнейших ожогов и сверхдоз радиации животных, спекшейся в стеклянную корку земле в эпицентре, рассказ о защитных комплектах, снимаемых с большими предосторожностями после марша через опасную зону, о дезактивации техники и обязательной бане для личного состава, о выданной всем участникам учений новой форме убеждали, что в тот день, казавшийся нам, семнадцатилетним, таким далеким, для всех, кто прикоснулся к страшной тайне, началась новая эра. Более опасная и беспощадная. Более жестокая и бесчеловечная. А главное – более безнадежная.

Спустя пару лет в Оренбургском педагогическом институте другой отставной полковник преподавал нам способы защиты от ядерного поражения. Приносил наглядные пособия. Больше всего меня потрясла антирадиационная колыбелька для новорожденного – переносная, защитного цвета, со специальным сетчатым пологом, будто бы даже задерживающим радиоактивные частицы. Надолго ли она смогла бы уберечь ребенка?..

А нашего учителя НВП Николая Ивановича к тому времени уже не было на свете. Говорят, скончался от рака. То, о чем он рассказывал нам, уже не составляло военной тайны – как раз в 1979-м, когда мы оканчивали десятый класс, прошли двадцать пять лет, в течение которых все участники Тоцких учений не имели права хоть что-то хоть кому-то сообщать о пережитом в 1954 году, срок подписки о неразглашении истек (кстати, некоторые давали подписку на 40 лет, а то и пожизненно). Но понадобились еще десять лет и кардинальные перемены в стране, чтобы о войсковых учениях с применением ядерного оружия на Тоцком полигоне стало возможно говорить открыто. В том числе в средствах массовой информации.

2. «Изгиб земли»

В июне 1999-го охотники за цветным металлом украли колокол. Подъехали к памятнику, возле которого нет почетного караула, да и вообще никого в том месте нет, только жители деревни Маховки, и то в четырех километрах отсюда. Осмотрелись, огляделись да и сдернули тросом один из трех колоколов, висевших под стальными арками. Прихватили заодно металлические плиты, оторвав их «с мясом» от бетонного основания памятника. Может, потянут на пару бутылок... Два других колокола не тронули, видно, спугнул кто-то. Место хотя и пустынное, степь да степь кругом, но грунтовая дорога рядом проходит. Погрузили добычу... Куда погрузили? Милиция вроде бы обнаружила рядом следы тележных колес, но это еще не доказательство, а следам автотранспорта здесь вообще несть числа – полигон, знаете ли. Словом, погрузили и повезли сдавать.

Где, в каком пункте приема цветмета было милиции искать неведомого приемщика?.. Вот интересно, когда к нему, этому приемщику, привезли колокол и плиты с памятника, посмотрел он, что за надписи на них, стал ли читать: «14 сентября 1954 года здесь произведен воздушный ядерный взрыв» – на одной, а на другой: «Зову живых, оплакиваю мертвых»? Неужто приемщику действительно было все равно, что отправлять в переплавку?

Тех, кто разорил памятник, открытый в эпицентре Тоцкого атомного взрыва 14 сентября 1994 года, в день 40-летия учений, кто походя надругался над памятью жертв атомных учений, довольно скоро нашли. Это оказались молодые и с виду не безнадежные в плане умственного развития потомки тех, над чьими головами сентябрьским утром 54-го вырос чудовищный гриб. Колокол и плиты вернуть уже не удалось. Переплавили. Их к 45-летию атомного сентября заменили на менее привлекательные для скупщиков цветнины...

Вот такие выросли «наследники» у тех, кого отправили на переплавку, отдав приказ наступать через эпицентр взрыва, у тех, кого по всей стране остались считанные сотни из сорока тысяч «атомных солдат», у тех, кто видел, как горят в адском атомном пламени родные деревни.

Впрочем, поражаться таким делам в наше время все большего имущественного расслоения общества не приходится. Совесть замолкает (слава богу, не у всех), когда у иных в доме нет денег даже на хлеб. А если государство не вспоминает и не хочет вспоминать о тех, кто живет на пропитанной радиацией земле, то у некоторых и вовсе не обремененных совестью наших земляков уважению к памятникам, поставленным властью, и взяться неоткуда. Осквернителей монумента в эпицентре Тоцкого взрыва, впрочем, не стану оправдывать ни при каких обстоятельствах. Надо знать, что произошло здесь в 1954 году, чтобы найти в себе силы не простить вандалов.

Давайте же вспомним, с чего начинали писать эту страницу нашей истории.

Обеспокоенные атомной активностью армии США, советские военные начали разрабатывать предложения о проведении войсковых учений с применением

атомной бомбы. «Непосредственным разработчиком первых предложений был Специальный отдел Генерального штаба Вооруженных Сил СССР (В.А. Болятко, А.А. Осин, Е.Ф. Лозовой). Руководил разработкой предложений заместитель министра обороны по вооружению маршал артиллерии Н.Д. Яковлев, – откровенно сообщается в книге «Ядерные испытания СССР». – Первое представление предложения по учению было подписано Маршалом Советского Союза А.М. Василевским, Б.Л. Ванниковым, Е.И. Смирновым, П.М. Кругловым, другими ответственными лицами и направлено заместителю председателя Совета Министров СССР Н.А. Булганину. За пять лет (1949–1953) было разработано более двадцати представлений, которые направлялись в основном Н.А. Булганину, а также Л.М. Кагановичу, Л.П. Берии, Г.М. Маленкову и В.М. Молотову».

В конце концов, 29 сентября 1953 года Совет Министров СССР выдал постановление, положившее начало подготовке ученых и армии к войсковым учениям с применением атомного оружия. И весной 1954-го на Тоцком полигоне началась интенсивная и дорогостоящая, судя по масштабам, подготовка: прокладывались грейдерные дороги, возводились дома для офицерского состава, в удаленных от полигона местах строились другие дома – как позже выяснилось, для местных жителей. Именно в те дни, когда зашел разговор об отселении людей из их родных Елшанки, Березовки, Пьяновки, Маховки, Орловки, стало ясно, что учения предполагаются весьма крупные.

По словам **Григория Сидоровича Якименко**, полковника в отставке, а в 54-м – начальника оперативного отделения соединения, атомные учения были назначены на 1 сентября 1954 года, но из-за

непогоды перенесены на две недели. Согласно разным источникам, в них принимало участие от 40 до 45 тысяч человек. Командовал учениями Маршал Советского Союза Георгий Константинович Жуков. Целью учений, как отметил в 1990 году в интервью «Известиям» тогдашний начальник управления Генштаба Вооруженных сил СССР генерал-полковник **В.В. Коробушин**, была отработка инструкций «по вопросам ведения боевых действий в условиях его (атомного оружия. – **В.М.**) применения и способы защиты от его поражающего воздействия... Без учений с максимальным приближением к боевой обстановке нельзя было быть полностью уверенными в достоверности и эффективности рекомендаций военной науки. Немаловажную роль сыграло и стремление не отстать в подготовке войск от армии США... Всем участникам разъяснили: проведение такого учения – вынужденная, но необходимая мера, что его повторение исключается, и надо подготовиться так, чтобы сразу извлечь наибольшую пользу для обороны страны. И прежде всего, в вопросах боевого применения родов войск, обеспечения противоатомной защиты личного состава, его психологической устойчивости при атомном взрыве… Самое серьезное внимание уделялось отработке действий личного состава как в момент взрыва, так и при преодолении зараженных радиоактивными веществами участков местности».

Мне довелось за два десятка лет, что занимаюсь темой Тоцких учений, побеседовать с очень многими участниками и очевидцами событий того памятного дня – от генерал-полковника А.М. Макашова (в 1954 году – курсанта военного училища, а в 1989-м – командующего войсками Приволжско-Уральского военного округа) до председателя Комитета ветеранов

подразделений особого риска Российской Федерации В.Я. Бенцианова. Первый – сторонник мнения, что в Советском Союзе все делалось правильно и учения под Тоцким были необходимы. Второй создал, будучи практически слепым, действенную структуру для поддержки таких же, как он сам, «атомных солдат».

Но была у меня в 1989 году в райцентре Тоцкое встреча с человеком, который, хотя и не осуждая, но уж конечно и не одобряя случившегося на его земле, сумел простым крестьянским языком передать леденящий ужас того жаркого, солнечного дня. Это Федор Илларионович Колесов, ныне уже покойный. Он был человеком знаменитым: в 1930-е – стахановец сельского хозяйства, член комиссии по выработке Конституции СССР 1936 года, сталинской; перед Великой Отечественной войной, с февраля 1939-го по март 1940 года, его даже «бросили» руководить облисполкомом, поскольку перестреляли и пересажали всю верхушку области. Вот что рассказал мне 14 октября 1989 года под запись в блокноте, почти дословную (было ему уже 90 лет, говорил он медленно, и я успевал записывать), занимавший в 1954 году пост председателя Тоцкого райисполкома, обласканный властью и не обойденный славой **Федор Илларионович Колесов**:

– Я у военных, кто это готовил, спрашивал: «Почему не в песках взорвать, мало ли у нас песков?» А они говорят: «Нам надо знать, как здесь будет, тут такой же изгиб земли, как в Германии. И населено так же…»

Что ж, как говорится, это многое объясняет. Действительно, с 1946 года и до самого исчезновения СССР с карты мира именно Германия – ФРГ и ГДР – считалась стратегами НАТО и Варшавского договора наиболее вероятным театром военных действий

Третьей мировой войны. И без ядерного оружия ее сражений не представлял никто. Но разве это значит, что надо было устраивать атомную войну мирным жителям русских, мордовских, татарских, башкирских и даже немецких сел Оренбуржья? Вопрос повисает в воздухе вот уже шестое десятилетие. Не нашелся еще ни один храбрец, облеченный властью – гражданской или военной, – который бы взял на себя смелость публично заявить: «Да, в 54-м все было сделано верно!» Даже от победителя в сражении при Московской мэрии 1993 года генерала Альберта Макашова я таких заявлений не слышал. Содержатся они разве что в книжке отставного полковника Кривого. Но о ней разговор особый.

А пока давайте вернемся к воспоминаниям **Ф.И. Колесова**.

– Это готовилось долго, – рассказывал Федор Илларионович. – Здесь все время находился заместитель председателя облисполкома Быстров, приехали военные из Москвы. Нас известили заранее – за месяц я узнал. Автобусы и машины новые появились тут, чтобы в случае чего увезти людей из райцентра. От меня требовали, чтоб заранее никого никуда не вывозить. Некоторые села вывезли, а про другие мне сказали: «Завтра будут бомбу бросать, никого не отпускать, лошадей не давать, активу запретить семьи вывозить». Я еще просил поселок Ключевской вывезти. «Нет, – говорят, – там Самарка, вы их под берег спрячьте, а скотину по лесу пустите». Весь лес был забит госпиталями, на 5-м разъезде и на станции стояли санитарные поезда – в случае выхватить людей... Для начальства вышку сделали на Петровской Шишке (возвышенность не более чем в десяти километрах от эпицентра. – **В.М.**). Все военные там

смотрели и этот, тогда был главный по атому, Курчатов. Никто из них, по-моему, не знал, что может быть. А может, и знали. Да ведь они сами все на вышке стояли, на них тоже попало…

Еще позже, когда окрестные деревни, население которых не подлежало эвакуации, были разбиты на так называемые десятидворки и к каждой приставлен один военный (солдат или сержант) и один активист – партийный, советский работник из местных, людям стали объяснять, что во время учений ожидается сильный взрыв. Только один из местных жителей – очевидцев взрыва Н.Б. Курапов вспомнил, когда именно впервые было произнесено слово «атомный». Но жаркий день 14 сентября врезался в память каждому и разделил жизнь людей окрестных сел, деревень, поселков и городов на время «до атома» и «после атома».

5 декабря 1991 года Тоцкая районная газета «Авангард» опубликовала воспоминания местной жительницы, пенсионерки, бывшей учительницы **В.К. Плюско**:

– Уже с весны шла подготовка к учениям. Летом прибыло огромное количество воинских частей, которые заняли окрестности на десятки километров. К месту испытания свозили технику и животных. Готовились долго… Время испытания откладывалось. Нужна была определенная метеосводка. С населением велась подготовительная работа. По десятидворкам офицерами проводились разъяснительные беседы. Сигналом тревоги была сирена. В обязательном порядке из военного городка в Сорочинск должны были выехать семьи с детьми. Остальным по желанию можно было остаться, но подготовить укрытие – щель. Место было указано – в лесу у реки Самары. Здесь же размещалась воинская часть, ведущая наблюдение за рекой.

Ивану Емельяновичу Кушайкову в 1989 году, когда мы с ним встретились впервые, было семь десятков лет, а в памятном 54-м – вдвое меньше, и служил он, старшина-сверхсрочник, заведующим складом гарнизонной пекарни. Вот что рассказал о подготовке к учениям Иван Емельянович:

– Из Москвы приехали руководить работами. Собирали финские (то есть сборные. – **В.М.**) домики для офицеров, прокладывали грейдерные дороги. Эвакуировали жителей близлежащих сел – Маховки, Пьяновки, Орловки, Березовки… Эвакуированным строили дома где-то под Бузулуком.

Одна из эвакуированных – Мария Кузьминична Щевелева. Ей в 54-м было совсем немного лет, но события 14 сентября и все случившееся после навсегда отпечаталось в ее памяти. Родом она из Елшанки-второй, правда, сама написала об этом так: «Во время взрыва сгорели полностью Тащиловка, Орловка и часть Елшанки. После снова застроились, слились, и осталось село Елшанка-2… Я из семьи Федоровых». Ярки и подробны, как это чаще всего и бывает у детей, воспоминания **М.К. Щевелевой**:

– Незадолго до событий жителей села предупредили о том, чтобы с полей и огородов убрали овощи и хорошо закупорили в погреба и ямы. Затем пригнали солдат и машины военные, чтобы разом увезти домашний скарб и хозяйство, – очень много народу и машин. В селе стоял стон, плач, мама и бабушка плакали с причитаниями. Папа в армии служил почти восемь лет: отслужив действительную, с первых дней попал на войну и пришел в декабре 1945 года. Бабушкин приемный сын – надежда и опора – пропал без вести на войне, оставив двоих детей и жену молодую… Нас вывезли (все село сразу!) в Каменную Сарму (около 20 километ-

ров на запад от Елшанки-второй. – **В.М.**), разместили по квартирам. Хозяева были очень добрые и отзывчивые люди…

А как же поступили с теми, кого эвакуировать не собирались? Те самые активисты, за которыми закрепили по десять дворов, объясняли людям (как незадолго до этого разъяснили им самим), что в день взрыва надо будет открыть все окна и двери, печные заслонки, снять со стен портреты, картины и прочее. Приказывали заранее выкопать траншеи, перекрыть их досками, сверху засыпать землей и обложить ботвой. Но такие советы давали не всем. Например, в райцентре Тоцкое, находящемся в 13 километрах от эпицентра, некоторым жителям велели просто выйти на улицу, лечь на землю, но не смотреть на взрыв. Не косвенное ли это свидетельство того, что организаторы учений хотели получить самые разнообразные сведения о влиянии на человека поражающих факторов ядерного оружия?

Лишь много лет спустя стало известно, почему с местными жителями поступали по-разному. Как сообщают авторы книги «Ядерные испытания СССР», «для проведения мероприятий по обеспечению безопасности населения район учения в радиусе до 50 км от места взрыва был разбит на пять зон: зона 1 (запретная зона) – до 8 км от центра взрыва; зона 2 – от 8 до 12 км; зона 3 – от 12 до 15 км; зона 4 – от 15 до 50 км (в секторе 300-0-110 градусов) и зона 5, расположенная к северу от цели по боевому курсу самолета-носителя в полосе шириной 10 км и глубиной 20 км, над которой пролет самолета-носителя осуществлялся с открытым бомболюком.

Зона 1 полностью освобождалась от местного населения. Жители населенных пунктов, а также скот, фу-

раж и все движимое имущество вывозились в другие населенные пункты, расположенные не ближе 15 км от центра атомного взрыва.

В зоне 2 за три часа до атомного взрыва население отводилось в естественные укрытия (овраги, балки), расположенные вблизи населенных пунктов; за 10 минут по установленному сигналу все жители должны были лечь на землю лицом вниз. Общественный и личный скот был заблаговременно отогнан в безопасные районы.

В зоне 3 за 1 час до взрыва население выводилось из домов на приусадебные участки на удалении 15 – 30 метров от строений; за 10 минут до взрыва по сигналу все ложились на землю.

В зоне 4 предусматривалась защита населения только от возможного сильного радиоактивного заражения местности по пути движения облака главным образом в случае наземного взрыва. За два часа до атомного взрыва население этой зоны было укрыто в домах в готовности к эвакуации в случае сильного заражения.

Население зоны 5 было вывезено за ее пределы в безопасные районы за 3 часа до взрыва. Скот был отогнан или укрыт в сараях».

Пожалуй, самые четкие и подробные воспоминания о сентябре 54-го сохранились у жителя Тоцкого-2 **Николая Борисовича Курапова**, неутомимого краеведа, учителя истории, участника Великой Отечественной войны, офицера, попавшего под первое хрущевское сокращение армии. Он много лет собирал материалы о Тоцком взрыве. Мы познакомились в октябре 1989-го, и Николай Борисович рассказал, что уже после учений 1954 года он проходил переподготовку на курсах «Выстрел»:

– Нам показывали там почти каждый день фильмы о боях с атомным оружием. И показали столько, что мы спать перестали. А основа этих фильмов – отсюда…

Вот записаный самарским журналистом А. Жоголевым в 1990 году рассказ **Н.Б. Курапова**:

– А войск-то здесь было!.. В каждом лесочке притаились, в каждой лощиночке… Еще в мае эшелоны начали прибывать. Мы думали, большие учения будут, не беспокоились. Ну а когда над селом стал летать самолет и сбрасывать что ни день на поле тренировочные бомбы-болванки, тогда уже пошел по селу шепоток. А в середине августа впервые прозвучало: «Атомная бомба!».

СОПРОТИВЛЕНИЕ МАТЕРИАЛА

В самый первый раз в эпицентре Тоцкого атомного взрыва мне, тогда уже замредактора областной молодежной газеты «Комсомольское племя», довелось побывать летом 1988-го вместе со вторыми секретарями горкомов и райкомов КПСС и заместителями председателей гор- и райисполкомов. Их привезли в Тоцкое-2 как бы на экскурсию в войска. Одним из ее пунктов было краткое, даже очень краткое – минут на пятнадцать – посещение эпицентра.

Помню то странное чувство – не страха, не опасности, а почему-то покоя и умиротворенности, возникшее, как только я сделал несколько шагов в сторону от людей, от автобуса, на котором мы приехали. На первый взгляд, эпицентр тогда почти ничем не отличался от любого другого уголка нашей степной области: долинка

внутри подковообразной гряды холмов, поросшая жиденькой, чахлой травой. Да он и сейчас такой же. Кое-где можно найти ту самую корку – под воздействием огромной температуры оплавившийся до состояния грубого, мутно-серого стекла грунт. Кусок такого «стекла» долго лежал у меня в кабинете в газете «Оренбуржье»… В середине долины – небольшое озерцо, не пересыхающее даже в июльскую жару. Наверное, питается небольшим родничком. Местные жители рассказывали, что родников тут было много, но взрывом почву сдавило, и водоносные пласты ушли. Здесь нет ни деревца, а до взрыва росла целая дубовая роща – она испарилась без остатка за секунду. Через эпицентр проходит мягкопыльная дорога из Тоцкого-2 в Маховку. По всей территории эпицентра «квадратно-гнездовым» способом расставлена старая боевая техника – танки, самолеты, автомобили. Тут много лет был бомбодром, летчики тренировались в стрельбе и бомбометании. Потому-то все свезенные сюда списанные «МиГи» разбиты в лохмотья, а у танков свернуты башни. Полное ощущение, что атомная бомба взорвалась не десятки лет назад, а на прошлой неделе. Впрочем, летом 2010-го всей этой техники уже не было…

И еще в 1988 году мне запомнилось, что в эпицентре стояло сразу два памятника. Один более старый – кирпичный побеленный куб со сквозным отверстием, расширявшимся раструбами на две его стороны (говорят, в середине этой дыры, за красным стеклом, должна была гореть лампочка, изображающая ядерный взрыв, но я этой красотищи уже не застал), а другой

поновее – простая бетонная плита с надписью: «14 сентября 1954 г. впервые было проведено войсковое учение с применением ядерного оружия. Учением руководил Маршал Советского Союза Г.К. Жуков (эпицентр взрыва)». Сопровождавший нас офицер сказал, что чуть ли не каждый новый командующий 27-й гвардейской мотострелковой дивизии, дислоцирующейся в Тоцком-2, непременно строил свой памятник взрыву. Это очень точно было сказано: именно горделивые памятники атомному взрыву возводились на полигоне до 1994 года. И только в день 40-летия учений в эпицентре наконец-то зазвучали на сентябрьском ветру колокола памяти и скорби о людях, ставших участниками репетиции Апокалипсиса.

А тогда, в 88-м, я решил, что рано или поздно напишу про Тоцкий взрыв и про тех, кто его пережил. К тому времени цензура в стране постепенно ослабляла волчью хватку (мы в молодежке уже «пробили» ранее запретную тему войны в Афганистане, подбирались к вычеркнутым из истории именам русских царей, атамана Дутова, а еще – Бухарина, Троцкого и прочих «детей Революции», которых она же и пожрала), но все-таки была еще сильна. И когда именно можно будет раскрыть самую большую тайну Оренбуржья, мне пока было неведомо.

3. Поверить бомбой все, что есть у армии

– В начале июня 1954 года на стадионе в Брестской крепости был выстроен личный состав нашей 348-й Корсунь-Шевченковской отдельной артиллерийской бригады, – вспоминает **Владимир Яковлевич Бенцианов**, в 1954-м – лейтенант, а с 1990 года – руководитель Комитета ветеранов подразделений особого риска, «атомных солдат». – По команде каждый снял свой головной убор и обнажил наголо побритую голову. После этого построения, буквально в течение суток, весь личный состав бригады был экипирован по военным нормам – выдали оружие, боеприпасы, снаряжение, сухой паек, – и вечером того же дня бригада двинулась на восток. Трудно передать, как в то время встречало военных население станций и городов, где останавливался воинский эшелон. К вагонам выносили вареную картошку, сметану, помидоры, огурцы, женщины почему-то плакали и говорили: «Родимые, наверное, в Китай воевать едете?» Слишком сильна была память о недавней войне, и люди никак не могли понять, почему такое большое количество военных, эшелон за эшелоном, следует на восток…

Летом 1954 года подготовка к учениям шла на Тоцком полигоне и в его окрестностях полным ходом. Прежде всего надо было убедиться, что на территории полигона, где десятилетиями постоянно проводились

различные стрельбы, учебные занятия с саперами, не осталось неразорвавшихся мин и снарядов. Для этого, как уверяют очевидцы, было проведено сплошное разминирование.

Летчики, которым было поручено в день «Д» сбросить атомную бомбу, проводили учебное бомбометание с самолета «Ту-4». По свидетельству генерал-лейтенанта **С.А. Зеленцова**, «на местности в точке сбрасывания бомбы не было заметного ориентира, поэтому была специально оборудована точка прицеливания в виде квадрата, ограниченного белой каймой. В центре квадрата нанесен белый крест (размером 100х100 м), а по боевому курсу – углы из белых полос», – цитирую по книге «Отдаленные эколого-генетические последствия радиационных инцидентов: Тоцкий ядерный взрыв». Местные жители вспоминают, что после учебного бомбометания в районе будущего эпицентра военные несколько раз имитировали взрыв – поджигали бочки с мазутом.

В Лагерях, как тогда называли военный поселок Тоцкое-2 с прилегающим полигоном, на 42 километра раскинулись палатки, в которых жили солдаты и офицеры – участники будущих атомных учений, уже разделенные по замыслу командования на «Западных» и «Восточных». Хотя правильнее было бы сказать, что в эти палатки они приходили перед отбоем после трудного дня работ и учебных занятий. Кстати, в роли «Восточных» выступали войска Белорусского военного округа – то есть именно те солдаты и офицеры, которые, случись Третья мировая война, оказались бы на ее передовых позициях в Центральной и Западной Европе. «Западных» сыграли хозяева полигона – войска Южно-Уральского военного округа.

Согласно разработанной руководителями учений во главе с маршалом Г.К. Жуковым программе подготовки, обучение войск велось сорок пять дней. Говорит **В.Я. Бенцианов**:

– Была жара. Мы рыли аппарели глубиной шесть метров. Мы уже знали, что готовимся к атомным учениям. Месяцами ходили в противогазах, даже спали в них, только на время еды снимали. За хлебный мякиш под маской, чтобы было легче дышать, – два наряда вне очереди, за отвернутую трубку – двое суток ареста. Клянусь, никто не получил этих наказаний.

О том, что лето 54-го выдалось жарким во всех отношениях, вспоминает и уже знакомый нам полковник в отставке **Г.С. Якименко**:

– Солнце палило нещадно. Были вспышки дизентерии. А работы оставался непочатый край. Только одна «оборона» (то есть «Западные», по замыслу учений – именно обороняющаяся сторона. – **В.М.**) прорыла более 200 километров окопов, ходов сообщения. Причем разного профиля: в полный рост, по грудь… Цель – проверка на прочность всех видов укрытий.

«Восточные» не отстали в объеме фортификационных работ от «Западных», а по числу построенных подбрустверных блиндажей, окопов для артиллерии и минометов, окопов и укреплений для танков и самоходных артиллерийских установок даже превзошли их. Как пишет в своей книге «Атомный гриб над Тоцким полигоном» полковник в отставке **И.И. Кривой**, «одежду крутостей траншей и ходов сообщений делали из самых различных подручных средств, заранее заготовленных конструкций и промышленных материалов (жерди, плетни, хворост, камыш, доски, бревна, гофрированное железо, бетонные плиты и специальные

конструкции)». Иначе говоря, ядерный взрыв должен был показать, какие стройматериалы следует использовать армии в предполагаемой атомной войне, а от каких надо отказаться.

Тот же **И.И. Кривой** отмечает:

– Очень большие инженерные работы проводились в районе эпицентра атомного удара «Баня», но не ближе 300 метров от отметки 195.1 (место сброса бомбы, тот самый белый крест в квадрате. – **В.М.**), а также в районах «Ствол» (гора Каланчёвая) и «Крыло» (высота Лысая), по которым планировался массированный удар артиллерии и авиации.

Для обеспечения выполнения задач, которые руководители учений ставили перед офицерами и солдатами нападавших «Восточных» и оборонявшихся «Западных», обеим сторонам было придано 600 танков и самоходных артиллерийских установок, 500 орудий и минометов, 600 бронетранспортеров, 320 самолетов, 6 тысяч тягачей и автомобилей. Но не вся эта техника предназначалась для людей. Кое-где вместо экипажа оказывались домашние животные, а некоторые очевидцы уверяют, будто видели даже обезьян за рычагами боевых машин. Весь этот атомный ковчег был необходим для той же цели – поверить бомбой то, что есть у армии: технику, инженерные сооружения, – и, конечно, определить степень воздействия поражающих факторов ядерного оружия на живые организмы.

Ф.И. Колесов:

– Тут тогда столько разного барахла навезли – автобусы, орудия, танки. Привязывали к ним что-то живое – скотину какую. Или собаку поймают, закроют. В Лагеря как заезжаешь, где военторг сейчас, орудие стояло, телок был привязан, дальше – козы.

И.И. Кривой:

– В батальонных районах обороны «Баня», «Ствол» и «Крыло» были выставлены чучела (манекены. – **В.М.**) личного состава войск, обмундированных и вооруженных по действующему Внутреннему уставу по штатам этих батальонов. Обмундирование и снаряжение были последних образцов… Кстати, весь личный состав войск, принимавших участие в Тоцких тактических учениях, был также одет в новую форму одежды и обеспечен снаряжением вплоть до спальных мешков и плащ-накидок для офицерского состава.

Об этом же говорит в своих воспоминаниях **В.Я. Бенцианов**:

– По приезде всем выдали совершенно новое обмундирование и снаряжение, которое затем заменялось трижды, в том числе обувь, ремни и портупеи, кожаные полевые сумки. С первых дней было налажено прекрасное по тем временам питание. В ежедневный рацион входили сгущенка, большие порции мяса, фрукты, арбузы и шоколад. Занятия по боевой подготовке велись так, как будто все готовились к войне. В руках было оружие, на поясе или в подсумках – боеприпасы, за плечами – вещевые мешки со всем необходимым. Здесь же – фляжка и саперная лопатка. Наставления, касающиеся действия войск в условиях ядерного удара, были секретными, конспектов не вели, все надо было запомнить, а затем использовать в практике учебного боя…

Совершенно ясно, что учения под Тоцким проводились для упреждения возможных действий американцев. Мир в 1950-е годы погрузился в ледяное оцепенение холодной войны. Понятны в этом историческом контексте весьма красноречивые имена, выбранные для обозначения условных противников, и,

соответственно, их предполагаемые действия в ходе ядерного конфликта: «Восточные» взрывают над второй позицией полосы обороны «Западных» (где людей, конечно, не было) атомную бомбу, затем проводят артподготовку, наносят авиационно-бомбовый удар обычными боеприпасами и начинают атаковать позиции «Западных». Естественно, «Западные» пытаются контратаковать теми силами, что у них еще остались, но «Восточные» отражают контратаки и завершают прорыв главной полосы обороны противника. «Запад есть Запад, Восток есть Восток, и вместе им не сойтись», – написал Редьярд Киплинг. Но если бы уж было нам суждено сойтись в атомной войне, и если наш потенциальный противник называл себя Западным миром, значит, мы – Восточные и должны победить.

Эту победу советской военной мощи над «Западом», хотя бы и условным, руководство СССР решило продемонстрировать всем своим союзникам. Поэтому для наблюдения за учениями на Тоцкий полигон прибыли не только министр обороны СССР Н.А. Булганин, «отец» советской атомной бомбы физик И.В. Курчатов, министр среднего машиностроения В.А. Малышев, но и министры обороны, представители военно-политического руководства всех стран «народной демократии», в том числе Китая. Очевидцам особенно запомнились министр национальной обороны Польши маршал (одновременно советский и польский) К.К. Рокоссовский и министр обороны Китайской Народной Республики Пэн Дехуай. Для гостей из стран соцсодружества и чиновников Министерства обороны СССР построили жилой городок в урочище Дурной Гай на правом берегу Самары, недалеко от впадения в нее реки Сорочки – километрах в 18-ти от эпицен-

тра. А вот министр обороны Н.А. Булганин, советское партийно-правительственное руководство и Маршалы Советского Союза А.М. Василевский, И.С. Конев, Р.Я. Малиновский расположились на станции Тоцкой в трех специальных пассажирских составах. Булганин и Курчатов прибыли в Тоцкое вместе с Н.С. Хрущевым лишь за день до учений.

По свидетельству подполковника **Н.В. Даниленко**, Никита Сергеевич со свитой ходил по передней линии войск, представлял офицерам и солдатам академика И.В. Курчатова, а тот разъяснял, что за бомба будет взорвана, и «гарантировал безопасность для всех участников». Об этом вспоминает и **Г.С. Якименко**:

– Личному составу объяснили боевую задачу, старались все сделать для того, чтобы обошлось без человеческих жертв. Солдаты не подвели. Не было паники, дезертирства. Не растерялись и офицеры. Ну, правда, были и те, кто «закосить» пытался – в отпуск просился, вспоминал про больную родню. Но случаи единичные, по пальцам могу перечесть. Страха перед бомбой не было. Лишь неизвестность томила, ведь ничего же мы не знали о ее характере! У всех в глазах стоял немой вопрос: «Как эта чертова бомба себя поведет?» К счастью, приехал Курчатов. Я хорошо его помню – чернобородого, в синем элегантном костюме без орденов. Отвечал на наши вопросы. К нему, как к «автору», было их множество…

К тому времени, как отмечает генерал-полковник **В.В. Коробушин**, вокруг будущего эпицентра уже была установлена запретная зона радиусом восемь километров:

– За пять суток до начала учений все войска были выведены из запретной зоны. По периметру ее выставили охранение. С этого момента и в течение первых

трех суток после взрыва допуск туда производился только через контрольно-пропускной пункт по специальным пропускам и жетонам. В приказе Г. Жукова говорилось: «В день учения с 5.00 до 9.00 запретить движение одиночных лиц и автомашин. Передвижение разрешить только в составе команд с ответственными офицерами. С 9.00 и до 11.00 всякое движение запретить… Вывод войск за пределы запретной зоны закончить к исходу 9 сентября и письменно донести мне. Все подготовленные укрытия и убежища, а также готовность средств связи к приему и передаче сигналов проверить специальными комиссиями и результаты оформить актами…»

Наконец настал вечер 13 сентября. В расположении войск прозвучала команда «отбой». Над опустевшими окрестными селами, жителей которых отправили под Бузулук, только сверчки перекликались мелкими трещотками. А немного подальше от той точки, которая завтра утром станет эпицентром, подоив коров, поужинав, укладывались спать мирные люди, большинство из которых никогда не видело войны. Они не знали, что именно завтра совсем недалеко от их дома случится маленькая атомная война с непредсказуемыми последствиями.

СОПРОТИВЛЕНИЕ МАТЕРИАЛА

Во второй раз я приехал в Тоцкий район в октябре 1989 года с целью вполне определенной – собрать свидетельства местных жителей об учениях 1954 года. Да, цензура их не пропустит, но ведь она не вечна… Несмотря на середину осени, погода стояла теплая, а в полдень так даже припекало, словно летом. «Вот такая же погода была

в день взрыва», – вспоминали свидетели атомных учений, с которыми я встречался и в райцентре Тоцкое, и в военном городке Тоцкое-2.

Не сумел я заранее, до отъезда, созвониться с капитаном Абдулиным, тогдашним главным комсомольцем 27-й гвардейской мотострелковой дивизии. Это делалось через телефон оренбургской комендатуры, которая не спешила соединять гражданских, хотя бы и журналистов областной «молодежки», с Огоньком – такой позывной был у дивизии. Поезд пришел на станцию Тоцкая к вечеру, и я недолго думая здесь же, возле покрашенного серебрянкой бюста Ленина на площади у вокзала, сел в автобус «ЛАЗ», ехавший в военный городок. Там была гостиница КЭЧ, в которой я рассчитывал переночевать.

Конечно, автобус остановили возле контрольно-пропускного пункта при въезде в Тоцкое-2. Сейчас будут проверять документы, меня могут ссадить и отправить куда подальше. Но я к тому времени уже отслужил в армии и потому ясно видел, что проверять у пассажиров пропуска и паспорта со штампами о прописке в Тоцком-2 подтянутые и молодцеватые солдаты-«деды» отправили худосочного, «затянутого» (застегнутого на все крючки и пуговицы, с перетянутой ремнем осиной талией) молодого. Да еще на ногах у него – теплой осенью – были валенки! Когда парень, который, судя по его виду, боялся собственной тени, проходил по автобусу мимо меня, я показал ему красные корочки редакционного удостоверения «Комсомольского племени». Он едва взглянул на них…

Так я беспрепятственно попал в военный городок, поселился в военной гостинице, выспался, а наутро встретился с капитаном Абдулиным и с теми жившими в Тоцком-2 и в райцентре очевидцами атомного взрыва, которых знал сам и которых мне порекомендовал комсомольский вожак. Их фамилии часто появляются на страницах этой книги: Н.Б. Курапов, И.Е. Кушайков, Ф.И. Колесов… Тогда и собрал материалы, которые легли в основу первых публикаций о Тоцком атомном взрыве, в которых все было названо своими именами: люди, местность, события.

В стране набирала обороты гласность, и каждая, даже самая закрытая структура, включая армию, была вынуждена если не распахнуть ворота настежь, то хотя бы форточку приоткрыть.

4. «Татьянин» день

Сначала – вспышка ярче молнии. Свет – сильнее солнца. Те, кто вопреки запретам смотрел на огненный шар, лишились зрения на минуту-другую. Люди услышали страшный треск – громче грома, будто в небе руки великана рвали листовое железо. Земля качнулась, словно люлька.

В небо поднимался огромный огненный столб, его верхушка закручивалась в гигантский купол, переливавшийся всеми красками радуги. Исполинский атомный гриб стоял над тем местом, где всего несколько секунд назад шелестела дубовая роща, цвели полевые цветы, журчали родники, пели птицы.

Вскоре шляпка радиоактивного гриба оторвалась, превратясь в облако, и поплыла на северо-восток…

Так очень коротко, суммируя воспоминания многих очевидцев, можно описать Тоцкий атомный взрыв, произошедший в 9 часов 34 минуты 14 сентября 1954 года.

А в шесть часов утра, за три с половиной часа до вспышки адского, самого ослепительного пламени, какое только видели в своей жизни свидетели Тоцкого взрыва, бомбардировщик «Ту-4» с атомным устройством на борту взлетел с аэродрома, как сообщили офицерам, принимавшим участие в учениях, «южнее Тоцкого полигона». Сегодня мы знаем, что «Ту-4» с бомбой, которую ее создатели – ученые и конструкто-

ры КБ-11 из Арзамаса-16 (теперь это снова город Саров) – нарекли ласковым женским именем «Татьяна», поднялся с аэродрома НИИ Военно-воздушных сил в Ахтубинске Астраханской области. Он летел в сопровождении пяти истребителей и бомбардировщика «Ил-28». Двенадцать членов экипажа бомбардировщика во главе с командиром подполковником В.Я. Кутырчевым видели, что очень близко справа и слева от их «Туполева» идут два истребителя «МиГ-17», а позади – еще три. Они прекрасно знали, что истребители сзади – это охрана. А по бокам летят «контролеры» с полным боекомплектом, которые должны в случае отклонения «Ту-4» с бомбой от намеченного маршрута (который проходил над городами и крупными поселками) дать его пилоту некоторое время для исправления ошибки, а если он не вернется на курс, то уничтожить самолет. Впрочем, это вряд ли могло понадобиться, потому что экипаж, по отзывам очевидцев, был подобран опытный и уже сбрасывал атомные бомбы на Семипалатинском полигоне.

Как известно, «Ту-4» по прямому указанию Сталина был скопирован авиаконструктором А.Н. Туполевым с американской «суперкрепости» «Б-29». Во время Второй мировой войны американцы бомбили Японию, вылетая со своих баз на тихоокеанских островах, но им не всегда хватало горючего, чтобы вернуться домой, и тогда они садились на аэродромах советского Дальнего Востока. Формально наши брали их в плен, поскольку СССР и Япония не были в состоянии войны. Правда, после американских пилотов увозили в Ташкент и оттуда, дав им отдохнуть, устраивали «побег» в Иран. А вот некоторые их самолеты оставались в Советском Союзе. Не знаю, намеренно это было сделано, чтобы скопировать американцев даже в способе доставки ядер-

ного оружия, или же вышло по чистой случайности, но в 1954-м атомную бомбу на Оренбуржье сбросил именно «Ту-4», аналог тех бомбардировщиков «Б-29», экипажи которых в августе 1945-го стерли с земли Хиросиму и Нагасаки вместе с их жителями…

О взлете бомбардировщика в Ахтубинске войскам на Тоцком полигоне сообщили через громкоговорящие установки и затем через каждые полчаса объявляли, сколько времени осталось до сброса бомбы. За десять минут до взрыва был дан сигнал «Атомная тревога», по которому все должны были уйти в укрытия, а экипажи танков, самоходных артиллерийских установок и бронетранспортеров – занять места в своих машинах и задраить люки. Начался поминутный отсчет времени. Напряжение возросло до предела. Воздух звенел напряженной тишиной. Приближался кульминационный момент учений, проходивших под кодовым названием «Снежок».

В 9 часов 30 минут в долине, которой было предназначено стать эпицентром, ухает слабый взрыв, обозначивший на земле цель для экипажа подполковника Кутырчева.

В 9 часов 33 минуты по местному времени прозвучало:

– Сброс!

За мгновение до этого на борту бомбардировщика бомбардир капитан Л. Кокорин нажал кнопку сброса. «Татьяна» отделилась от «Туполева» на высоте 8 тысяч метров. Спустя 45 секунд, когда бомба находилась на высоте 350 метров, произошел взрыв. Его мощность оценивается разными источниками в 40–50 килотонн, хотя большинство участников учений и специалистов склонно говорить именно о 40 или даже 38 килотоннах.

Если верить полковнику Кривому, при подлете самолета «Ту-4» с бомбой к цели командующий учениями маршал Г.К. Жуков находился на первом пункте наблюдения в районе горы Медвежьей (10,5 километра на юго-восток от эпицентра) и прошел на открытую деревянную смотровую площадку, предпочтя ее траншеям и бетонному бункеру с амбразурами. Вслед за ним, конечно же, направились все советские военачальники и зарубежные гости.

После взрыва атомной бомбы мощная взрывная волна дошла до этого наблюдательного пункта, посшибав головные уборы и с самого Жукова, и с маршалов Конева и Рокоссовского, сметя со смотровой площадки табуреты, приготовленные для руководителей учений и приглашенных. Согласно воспоминаниям очевидцев, маршалы даже бровью не повели. А вот их адъютанты побежали за фуражками своих патронов. Когда Георгию Константиновичу вскоре принесли фуражку, свидетельствует Г.С. Якименко, он повертел ее в руках и, улыбнувшись, произнес: «Кто-то успел в ней картошку пожарить». Адъютант не нашел головного убора маршала и принес ту засаленную фуражку, что первой подвернулась под руку, – нельзя же четырежды Герою Советского Союза, маршалу и руководителю учений нарушать форму одежды!

– Каждому солдату и офицеру было определено его место на момент взрыва, – вспоминает **Григорий Сидорович Якименко**. – Я находился на наблюдательном пункте, в укрытии. И когда грянул взрыв, лежал в противогазе на дне окопа. Земля ухнула, задрожала. Между вспышкой и взрывной волной был прогал 12–15 секунд. Они мне вечностью показались. Потом почувствовал, будто кто-то крепко прижимает меня мягкой подушкой к земле. Поднявшись, увидел взмет-

нувшийся в небо на полкилометра атомный гриб. Что и говорить, зрелище не для слабонервных! Потом я не раз по долгу службы показывал заснятый в тот день «Фильм № 205» и всегда, когда видел на экране исполинского «джинна», озноб ощущал, вспоминая увиденное воочию.

Это же страшное кино, как мы помним, показывали и Н.Б. Курапову на курсах «Выстрел».

Утром 14 сентября лейтенант **Владимир Бенцианов** находился в блиндаже неподалеку от эпицентра:

– В 9.30 мы услышали слабый звук – имитацию взрыва. А в 9.34 под нами качнулась земля. Мы в блиндаже сидели на ящике. Полковник мне говорит: «Ты чего, Бенцианов, ящик качаешь?» Едва успел ответить: «Я ничего не качаю, товарищ полковник», как тут же – словно удар трамбовкой по земле, усиленный в миллион раз… На крышу нашего блиндажа (восемь перекрытий!) мы закатили двадцатипудовый камень. Сдуло, как пушинку, мы его так и не нашли… Какая у нас была защита? Трусы, майка, нательное белье, хэбэ, ПИК (противоипритный костюм – «липучка»), очки, сквозь которые солнце виделось тусклой лампой…

Старшина **Иван Емельянович Кушайков** утром 14 сентября открыл, согласно приказу, все окна и двери на своем складе, а потом поехал домой, в райцентр Тоцкое:

– Вырыл траншею, перекрыл досками, тряпками, сверху зеленью – ботвой, ветками (так рекомендовали). Жену с дочкой туда посадил. А сам стою. Говорю, смотреть буду. Солдат кричит: «Старшина, ложись!» Вижу, летит бомбардировщик и со всех сторон самолеты – охраняли. Бомбу ждал. Вот она отделилась, мне показалось, как карандаш. Тогда я лег, но головой к взрыву. Сразу треск – гром так никогда не гре-

мел, сколько живу. Огненная вспышка – думал, слепой буду, минуты две не видел, тер глаза. Потом зрение вернулось, и я увидел гриб. Все в нем поднималось, играло красками. Потом облако пошло, а от него лохмотья отваливались…

Председатель Тоцкого райисполкома **Ф.И. Колесов** вспоминал взрыв так:

– Рядом с райисполкомом дом был кирпичный. Говорю подполковнику: «Может, туда пойдем?» – «Не надо, черт его знает, рухнет еще». Легли в канавку. Тряхнуло, заходила земля. Встали, огненный столб стоит огромный, страшный, по нему били из орудий, с Сороки (видимо, с юга, со стороны речки Сороки. – **В.М.**) летали в него самолеты, бросали бомбы, им желательно было его разорвать. Мыряли в него и вылетали черные.

Н.Б. Курапов описывал взрыв, пожалуй, скрупулезнее остальных. В нем совместились и бывший военный, и историк, и просто наблюдательный человек:

– После взрыва – страшный гуд. Земля качнулась в одну, потом в другую сторону в считанные доли секунды. Потом почувствовалось сильное давление воздуха. Взрывная волна прошла, и стало секунды на две тяжело дышать – видно, образовалось безвоздушное пространство. Барабанные перепонки сначала давило внутрь, а потом изнутри. Мы с соседом лежали за плетнем, ногами к эпицентру, как нам сказали. В ушах свист, звон со скрежетом. Такое давление было, что когда барабанные перепонки вставали на место, издавали звон на низких тонах – вроде колокольного. Мы залезли на крышу, хотя и предупреждали нас, что нельзя. Гриб был – ножка черная, а шляпка красная. Как из трубы в морозный день, все перемешалось в ней: клубы дыма, пыли, обломки. Температура была

огромная. На расстоянии двух-трех километров от эпицентра все дубы были сожжены. Дальше деревья повалились частью в сторону взрыва (от возвратной волны. – **В.М.**), частью в противоположную. Артподготовка была такая же, если не больше, как при зимнем наступлении на Варшаву…

В.Я. Бенцианов помнит, что после взрыва даже погода резко изменилась:

– До того совершенно голубое, небо покрылось легкими тучами со слегка моросящим из них дождем… Повсюду почти непросветная, не сбиваемая мелким дождем пыль. Послышалась команда «по машинам!», и далее – в наступление, в бой. Колонны войск проходят слева и справа от эпицентра взрыва на расстоянии от 800 метров до пяти километров, через горящий лес. Причем пожар совершенно отличается от обычного не только по мощности пламени, но как бы и по цвету огня, напоминающего желто-белые всполохи. Многие деревья расщеплены и, как противотанковые надолбы, забиты в землю. У деревенской школы снесена крыша, которая горит отдельно от самого, тоже горящего здания. Деревни Маховка и Ольшанка снесены с лица земли, лишь кое-где стоят обгоревшие печи. Жителей этих деревень заранее отселили в Сорочинск и другие поселки, расположенные вне зоны учений. В Маховке и Ольшанке везде видны машины штаба руководства. Пожарные пытаются тушить остатки домов и все, что горит.

Леонид Петрович Погребной, участник учений, ветеринар, занимавшийся расстановкой подопытных животных, рассказывал, как после взрыва увидел маршала Жукова:

– Только мы поехали к нашим животным, как появляется лимузин, и из него выходит Жуков. Постоял,

посмотрел: башни танков отброшены, самолеты перевернутые лежат поплавленными крыльями в землю. В общем, картина жуткая. Он покачал головой, сел и уехал…

А вот свидетельство человека, находившегося в 30 километрах от эпицентра взрыва, но в полной мере ощутившего на себе его мощь. **Анатолий Васильевич Алпатов** в 1989-м, когда мы с ним беседовали, был председателем Тоцкого районного комитета народного контроля, а в сентябре 54-го учился в Сорочинском ветеринарном техникуме и жил в Кирсановке (19 километров на юго-восток от эпицентра).

– Мы были в Сорочинске, в ветлечебнице на практике, – вспоминает он. – В корпуса техникума завезли жен и детей офицеров из военного городка. День был солнечный, мы все глаза проглядели, смотрели в сторону полигона. Первое – вспышка! Солнце затмило. Через железную дорогу от ветстанции – старый элеватор. Его так тряхануло – стоит весь в пыли, и голуби вокруг тучей. У кузницы стекла с рамами вылетели, у нашего техникума тоже. Стеклами порезало эвакуированных. Ну, думаю, если тут такое, то моей Кирсановке крык. Распустили нас, я на попутке доехал до села, а там ничего, все стоит. За пятнадцать минут до взрыва пришел офицер, родителям скомандовал: «По укрытиям!» А окопы в Кирсановке заранее отрыли в полный рост. Люди там одеялами накрылись и сидели. Тряхануло сильно. Вылезать боялись, пока офицер опять не пришел.

Жительница Сорочинска, участница Великой Отечественной войны **Юлия Григорьевна Сапрыкина** вспоминает о том дне, как будто все было вчера:

– Наш Сорочинск не предупреждали. Так, неофициально слышали, что будут испытывать бомбу в Тоц-

ком… Это было примерно в 10 часов утра. Я, учитель, проводила урок со вторым классом. Классные окна расположены в противоположную сторону от Тоцкого. Вдруг сильный свет в окна! За этим такой страшный гром, что мне показалось, обрушился потолок, так сильно ударило взрывной волной по голове. Я думала, началась бомбежка. Детям крикнула: «Ложись!» (самой сейчас смешно – к чему?). Это инстинкт, ведь я прошла фронт. По лестнице со второго этажа бежали ученики во двор. Всех отпустили домой. В воздухе гудели самолеты. На душе неприятно. Пришла домой – дом коммунальный, двухэтажный – окна раскрылись, стекла разбились. Печь лопнула, абажур упал, цветы все на полу. И пыль. По радио сообщили, чтобы шли в укрытие, а где оно?

Свидетельство Ю.Г. Сапрыкиной рождает много вопросов. Разве военные, зная рельеф местности, не понимали, что Сорочинску угрожает взрывная волна, а затем и радиация? Ведь город стоит на реке Самаре – по ее руслу и прошла взрывная волна, основательно тряхнувшая Сорочинск. И как символ нашей постоянной показухи тех лет – призывы по радио идти в несуществующие укрытия.

Воспоминания Г.В. Теркиной, другой жительницы Сорочинска, только подтверждают предположение: городу повезло, что бомба «потянула» всего на 40 килотонн. Будь она хоть немного помощней, разрушений бы райцентру не избежать.

– Я прекрасно помню день взрыва, панику людей в Сорочинске, – писала **Галина Васильевна Теркина** спустя сорок три года после учений. – Нас, детей восьми и пятнадцати лет, родители закрыли утром в квартире на втором этаже. Мать, учительница школы № 1, была на уроках. Внезапный удар, мощный и гроз-

ный, выбил стекла, ветхую раму в коммунальной квартире, опрокинуло с силой нас на пол, затем раздался гром небесный. По квартире полетели хлопья сажи из печи, взметнулась густая пыль, будто дом встряхнули, как пыльный ковер (ударной волной выбило пыль из всех щелей дома, обшитого доской по второму этажу). Ужас объял нас, детей. Мы порезали руки и тряслись от страха, стали стучать в стены соседям. Добрые соседи, сами белые от страха, слыша крики детей, через двери успокаивали нас. Вскоре прибежала взволнованная мать, и мы, плача, выбежали на улицу. Люди толпились вокруг, смотря на «тучу», ничего не понимая. Вскоре в поликлинику Сорочинска стали подвозить на грузовых машинах солдат с повязками на глазах. Все боялись что-то говорить, спрашивать или обсуждать. Кроме того, всем грозно было приказано на работе «молчать об этом».

Мы уже знакомы с М.К. Щевелевой, которая была ребенком в 1954 году, когда ее село Елшанка эвакуировали в Каменную Сарму. Вот как запомнила ядерный взрыв 14 сентября **Мария Кузьминична Щевелева**:

– Свет был действительно ярче солнца, но у меня в детской памяти осталось сравнение с молнией и сильной грозой. Бабушка упала на колени перед иконой и истово молилась – слезы текли ручьем. Взрослые тут же побежали к правлению колхоза: что это и что с селом?! Меня тоже понесло туда. Снова плач, стоны, шум. Отец потом говорил, выделили группу людей и направили узнать, что же с нашим селом. Село все горело. Но судите сами: через какое-то время нас допустили до села, чтобы забрать продукты из погребов и картошку из ям. От села осталась одна улица. Наш дом, то есть дом дедушки, сгорел…

В это время войска «Восточных», проведя арт-подготовку и авиационный налет на «вражеские» позиции, успешно сломили сопротивление «Западных» и прошли через зараженную зону, испытав на себе защитные комплекты и противогазы. Потом – баня, новое, с иголочки обмундирование и заслуженный отдых в палатках.

Американцы, конечно же, отследили Тоцкий взрыв. И вписали его в свою классификацию под именем Джо-9. «Джо» – это, как вы понимаете, Джозеф, то есть Иосиф Сталин, 9 – девятый советский атомный взрыв.

А в урочище Дурной Гай в ходе разбора маневров министр обороны СССР Н.А. Булганин заявил, что «целью учений было всеми средствами и способами добиваться максимальной защиты всего живого от поражающих факторов атомного оружия в разнообразных условиях местности. Мы полагаем, что эта цель в основном достигнута».

«На разборе учений, которые проводил министр обороны, – пишет **В.Я. Бенцианов**, – летчик Кутырчев вместо подполковника был назван полковником и здесь же получил это звание. Кроме того, министр заявил, что подвиг полковника Василия Яковлевича Кутырчева достоин наивысшей награды. Летчик думал о Звезде Героя Советского Союза, а получил орден Ленина (это и была в СССР высшая награда, а Герой Советского Союза – высшее звание. – **В.М.**). Были награждены и члены его экипажа, и им были присвоены досрочно очередные воинские звания».

Тут же для руководства был дан концерт с участием московских артистов. И когда конферансье Борис Брунов объявил песню «Как в степи сожженной», никто не уловил здесь двусмысленности.

А над сожженной степью летело на восток все дальше и дальше радиоактивное облако, постепенно размываясь ветрами и оседая на землю. Ту землю, на которой в прошлом веке, оказавшемся атомным, жили наши отцы и деды. И на которой теперь живем мы с вами.

СОПРОТИВЛЕНИЕ МАТЕРИАЛА

В декабре 1989 года редакция нашей молодежной газеты отправила меня в командировку в Куйбышев, на комсомольскую конференцию Приволжско-Уральского военного округа (ПУрВО), в который входила и Оренбургская область. Округом тогда командовал генерал-полковник А.М. Макашов. Помня о том, что Альберт Михайлович сам, будучи курсантом, участвовал в тоцких событиях 54-го, я подошел к нему с просьбой помочь ознакомиться с документами, касающимися атомных учений. Ни «да», ни «нет» генерал не сказал, заметил только, что их самих в штабе округа очень интересуют те учения, и они тоже хотели бы поднять архивы Министерства обороны. А на мой вопрос, как бы все же узнать хоть что-то, махнул в сторону полковника из политуправления. Тот, уяснив, чего я хочу, воздел очи горе и спросил, разглядывая лепнину на потолке: «Да зачем вам это надо?» Что можно было сказать в ответ? Что это надо не мне, а людям, живущим на опаленной атомным взрывом земле? Боюсь, он бы просто не понял, о чем это я…

Но я все-таки направил письмо начальнику политуправления округа генерал-лейтенанту

Б.В. Тарасову и получил ответ за подписью председателя совета комсомольских организаций ПурВО капитана В. Лисина: «…С некоторым материалом по итогам учения Вы или Ваш представитель можете ознакомиться лично в управлении штаба ПУрВО». Увы, радость моя была секундной, потому что дальше капитан Лисин сообщал: «Ввиду того, что круг лиц, пользующихся документами по учениям с применением атомного оружия, пока что ограничен, Вам необходимо при себе иметь допуск по форме № 2, выдаваемый соответствующими органами».

Почему-то мне тогда показалось, что допуск «по форме № 2», который выдавался в КГБ, я вряд ли получу, а если получу, то мне это мало что даст. Время показало, что опасения мои не были напрасными, – военные архивы строго хранят тайну Тоцких учений до сих пор.

5. Пепел братьев наших меньших

Наверное, не было у нас в стране семьи, где бы даже в самые трудные годы не держали какую-нибудь живность. В середине XX века в СССР преобладало сельское население, семьи в деревнях были, как правило, большие, а после Постановления ЦИК и Совнаркома «О запрещении абортов» от 27 июня 1936 года – и подавно. Так что без коровы, кур, пары-тройки поросят или овечек обойтись невозможно. Даже если государство душит налогами. Да и в городе – как же без кошки или собаки? С кошкой дети играют, собака дом охраняет…

Именно эти животные – коровы, лошади, овцы, свиньи, собаки – стали самыми первыми жертвами атомного эксперимента 1954-го. На них решено было в полной мере испытать все поражающие факторы ядерного оружия. Практически каждый участник или очевидец учений 14 сентября помнит, как братья наши меньшие «занимали боевые позиции», чтобы принять на себя всю мощь бомбы.

Вспоминает **Г.С. Якименко**:

– Вокруг эпицентра на разных расстояниях расставили боевую технику. В танки сажали баранов, овец. В окопах были оставлены коровы, лошади, верблюды. Местность для испытаний была выбрана подходящая, с разнообразным рельефом. Рядом – лощины, овраги и ровная, словно бы отутюженная,

голая степь. Часть техники прятали за холмами, кочками, а что-то ставили на юру – с той целью, чтобы определить по ней разрушительную силу бомбы.

Ему вторит **И.Е. Кушайков**:

– Рыли траншеи, сажали в них крыс, кроликов, овец. Технику, продовольствие, обмундирование складировали на разных расстояниях от эпицентра.

Леониду Погребному, человеку, отдавшему полвека преподавательской работе – и в Оренбургской медицинской академии, и в аграрном университете, и в медицинском училище, – в сентябре 1954-го было 26 лет. Лишь двумя годами раньше он окончил Оренбургский сельхозинститут. Ему, как тогда было положено, без прохождения срочной службы присвоили звание лейтенанта ветеринарной службы, и отправился дипломированный специалист заниматься своим вполне мирным делом. К тому моменту, как его знания неожиданно понадобились военным, он уже работал заместителем директора Сорочинского ветеринарного техникума по учебной части и вел там биохимию.

Вот воспоминания **Леонида Петровича Погребного**, с которым мы встретились в июне 2010 года у него дома:

– В августе я, завуч, составил расписание, только начали мы учебный процесс – буквально два-три дня прошло, как меня вызывают повесткой в районный военкомат. А когда я по повестке явился, со мной встретился сам военком: «Леонид Петрович, мы вас призываем на учения в Тоцкий лагерь, будет учеба офицеров запаса. Вы, как ветеринарный врач, подберите себе помощников – двоих-троих фельдшеров. И отберите животных». А не говорит о том, что будет испытание какое-то.

Животных – каждой твари по десятку, причем так, чтобы получилось поровну женских и мужских особей – биологической группе Погребного из девяти человек велено было отобрать в колхозах Сорочинского района: молодых (до двух лет) лошадей, коров и бычков, овец и баранов, свиней. Скот предписали брать почему-то именно в селах Никольском и Баклановке, рассказывает Леонид Петрович. Тут же команде лейтенанта Погребного выдали обмундирование: плащ-накидку, противогаз, саперную лопату... Оружия не дали. Зато приказали приготовить ветеринарную аптечку с определенным перечнем препаратов, инструментов, перевязочных материалов.

– В том числе было у нас там три литра спирта, – говорит Леонид Петрович. – Подписку о неразглашении тайны на 25 лет с нас взяли. И опять ничего не говорят, какие там будут испытания. Ну ладно, выехали мы в хозяйства с двумя молодыми фельдшерами. А я два года до техникума проработал главным ветеринарным врачом района и хорошо знал этих ребят, на них можно было положиться. Вот с ними и отбирали животных.

Заплатили колхозам за изъятую скотину или нет, Леонид Петрович не знает. Но предполагает, что была договоренность через райисполком и райком партии, потому что председатели колхозов не возмущались. Наоборот – не только позволили Погребному и его помощникам самим отобрать клинически здоровых животных, в основном, как было приказано, двухлеток, но и велели своим зоотехникам помочь в выборе. Собранный для военно-научных целей скот отвезли в Лагеря – Тоцкое-2, на полигон.

– Там уже были подготовлены расстановочные места, – рассказывает Леонид Петрович. – Лошадей мы

разместили в основном под навесом из бетонных плит толщиной сантиметров 20, врытых в землю буквой «П», крупный рогатый скот – под покрытием из толстых свай, потом было дощатое и плетневое покрытие, а потом и совсем открытое место, но с ячейками, чтобы поместить животных. Все это, начиная с бетонных укрытий, находившихся, как мы после подсчитали, метрах в 600–700 от эпицентра взрыва, последовательно располагалось на все большем удалении. А свиней и овец мы размещали, кроме того, в танках и самолетах.

Лишь позже Леонид Погребной узнал: кроме его биологической группы, подчиненной майору медицинской службы и работавшей с животными восточней эпицентра, была еще одна, занимавшаяся тем же, только западней точки сброса «изделия». Леонид Петрович даже нашел своего «западного» коллегу – тоже ветеринара, но кадрового военного (увы, недавно скончавшегося). Тот сказал, что их курировали специалисты чуть ли не из Московской ветеринарной академии имени Скрябина.

Когда расстановка животных была закончена – крупный скот привязали, мелкий оставили в загонах, – команда Погребного расположилась примерно в шести километрах восточнее эпицентра взрыва, ближе к Сорочинску.

– Траншеи у всех были метр восемьдесят глубиной, а у нас – двухметровой глубины, – вспоминает Леонид Петрович. – Утром 14 сентября в ожидании объявления тревоги наш майор успокаивает нас, а сам то побелеет, то покраснеет, то побелеет, то покраснеет… И говорит: «Эх, сейчас бы выпить!» Я отвечаю: «Товарищ майор, а у меня в аптечке три литра спирта». – «Да ты что, лейтенант?! Пойдем выпьем». А я тогда

не пил и не знал, как вообще спирт пьют. Мы с ним отошли в кусты – посадка там росла, сухой паек у нас был, баклажка с водой. Противогазы сняли и, верите, осушили почти бутылку. Конечно, он – больше, я – меньше, но почти поллитра спирта – и ни в одном глазу! Такое напряжение было… Потом объявили тревогу, мы залегли – с закрытыми глазами, в противогазах с защитными стеклами, в плащ-накидках. И при этом при всем мы видели отсвет. А потом стало так жарко – невозможно! Мы все мокрые стали там, на дне траншеи. И после тряхануло, как землетрясение! Стенки траншеи сдвинулись, и нас полностью засыпало. Мы уже прощались с жизнью – кто нас там откопает! Но на счастье один из наших, Коля-туляк, в момент взрыва поднял голову поправить пилотку, поэтому успел принять вертикальное положение и выбрался на поверхность. Потом одного откопал, вместе с ним – другого, третьего. Я оказался пятым, а майор – аж самым последним, девятым. Мы Колю с тех пор так и звали – нашим спасителем…

После возвращения почти с того света грех было не отметить второе рождение. Тем более что выпить предложил сам майор, который лучше своих подчиненных понимал, что им всем грозило и какой опасности они избежали. Теперь биологической группе «Восточных» предстояло завершить выполнение поставленной задачи. Откопавшись, ветеринары проследили движение облака, в которое превратилась шляпка атомного гриба. А облако это приближалось к их полузасыпанной траншее.

– Майор дает нам команду: «На машину!», – продолжает рассказ Леонид Петрович. – У нас была крытая машина, «студебеккер», по-моему. И мы отъехали в сторону Сорочинска километра на четыре. Облако

прошло стороной, пошло на северо-восток, и больше мы не стали отъезжать. Ближе к вечеру нас допустили к животным. Задача была – животных вывезти. Шли мы туда, как по битому стеклу, – такая температура была, что песок расплавился, и эта корка ломалась у нас под ногами. Крылья у самолетов поплавились, башни с танков сорвало и отбросило на 500–600 метров к северо-востоку…

Мы начали подбирать животных. Лошади, которые были под бетонным укрытием, вроде как подпарились, будто кто-то их кипятком ошпарил. Потом уже мы обнаружили и ожог верхних дыхательных путей у них. У других животных ожоги были страшные, они просто обгорели. От тех, кто находился под плетнем и на открытой местности, остался один пепел. А там, где они стояли в сваечных и дощатых укрытиях, мы обнаружили почему-то только копыта и концы хвостов. Даже рогов не нашли. Свиньи, овцы, кролики в клетках, которых мы оставляли в технике, просто истлели, испеклись. После взрыва температура внутри была настолько высокая, что от них оставалась костная основа, а остальные ткани словно мумифицировались. Животных, что остались живы, в основном лошадей и крупный рогатый скот, мы собрали, и специальная эвакуационная команда их отправила спецрейсом. А куда уж повезли, я не знаю…

Очевидцы помнят, что останки подопытных коров, лошадей, коз, свиней, овец свозили за станцию Тоцкую. Там был скотомогильник (так называемая яма Беккари) глубиной метров шесть. В него и сваливали безответных жертв атомного эксперимента, обливали бензином и сжигали.

Лабораторных анализов команда Погребного не делала. В ее задачу входили только отбор, расста-

новка и удаление животных. Леонид Петрович говорит, что исследованиями занималась особая группа. А рядовым участникам учений даже записи какие-либо делать запрещалось. Режим секретности был настолько строгим, что семья Леонида Погребного не догадывалась и его жена не знала, где он находился в те сентябрьские дни. Директор Сорочинского ветеринарного техникума отвечал педагогам, интересовавшимся, куда подевался завуч, что отправил его проверять, как проходят практику студенты-четверокурсники.

На всех без исключения очевидцев Тоцких учений наибольшее впечатление произвели именно несчастные подопытные животные, обреченные в большинстве своем на страдания и смерть. О своих страданиях люди задумались гораздо позже…

Через год у одного из помощников Погребного ветфельдшера Анатолия Викулова, никогда не курившего, нашли рак легких. Спустя года полтора от рака печени и поджелудочной железы умер еще один член биологической команды. Третьим ушел из жизни капитан Дурнобрагов, заместитель райвоенкома, попавший в команду в качестве как бы замполита.

Да и о себе, о своем потомстве Леонид Петрович говорит с горечью. В 1957 году у него родилась вторая дочь. Девочка появилась на свет с врожденной мигренью, и медики сказали отцу: мутагенные реакции.

– Я сам биолог, знаю, что это такое, – говорит он. – А в 1996-м у меня случилась такая страшная аритмия, что пришлось останавливать сердце и запускать его заново. Операцию проводил мой студент (я пять лет преподавал в медакадемии) Лев Викторович Лебедянский. Дело это опасное, критический порог – пять минут, потом наступает омертвение

мозга и клиническая смерть. Вкололи мне наркоз внутривенно, и я провалился. Конечно, галлюцинации были, по трубе я летел к свету, а сам думал: «Хотелось бы остаться». Открываю глаза и вижу: окно реанимации и пять врачей вокруг стоят, в том числе мой ученик. Это уж потом мне сказали, что я «отсутствовал» четыре с половиной минуты – чуть порог не переступил…

Ветерану Тоцких учений Леониду Погребному, как и другим «атомным солдатам», государство доплачивает по две с половиной тысячи рублей в месяц.

СОПРОТИВЛЕНИЕ МАТЕРИАЛА

К лету 1990 года рамки «дозволенного цензурой» в СССР раздвинулись настолько широко, что мне показалось, будто и тоцкую тему я сумею пробить в нашей областной «молодежке». Такая уверенность объяснялась тем, что обком ВЛКСМ, чьим органом была газета «Комсомольское племя», в апреле 1990 года переименованная по воле читателей в «Новое поколение», возглавлял Владимир Елагин. Человек либеральных взглядов, на газету он не давил, в отличие от «большого брата» из обкома КПСС.

Кроме того, областным управлением по охране государственных тайн в печати руководил Виктор Филиппович Наточий, добрейшей души человек, старавшийся охранить гостайны и при этом не кромсать до неузнаваемости наши статьи. Чтобы стало понятно, каким человеком был Виктор Филиппович, ныне, увы, покойный, следует сказать, что позже он рабо-

тал в комитете по культуре администрации области, выступал как театральный критик, получил премию «Оренбургская лира» за книгу об Оренбургском театре музкомедии.

В июне 1990-го первая часть моей статьи «Репетиция Апокалипсиса» была сверстана в типографии ИПК «Южный Урал», где печаталось «Новое поколение». Я взял оттиск полосы (компьютеры в издательстве появились годом позже) и пошел к В.Ф. Наточему на третий этаж, в кабинет, который после занимала «Оренбургская неделя». Виктор Филиппович внимательно мой материал прочел, согласился с тем, что статья нужная, но, к сожалению, большая часть написанного в ней никак не согласуется с «Перечнем сведений, запрещенных к публикации». В каждой редакции СССР имелись такие секретные брошюры с номером на красной обложке. Наш добрый (без всякой иронии) цензор предложил компромисс: убрать упоминание о месте проведения учений, о количестве участников, о влиянии взрыва на мирных жителей… Но **такие** статьи уже выходили в центральной и местной прессе. Пришла пора сказать людям **всю правду.**

«Нет, – ответил я Виктору Филипповичу, – резать я ничего не буду, а лучше подожду 1 августа». «А что будет 1 августа?» – спросил он. «Вступит в силу Закон «О печати», а в нем говорится, что цензура в СССР не допускается».

Так и произошло. Набор статьи пролежал в типографии полтора месяца с визой редактора «Нового поколения» Татьяны Денисовой «Не разбирать!», и 4 августа 1990 года в первом

бесцензурном номере нашего еженедельника «Репетиция Апокалипсиса», наконец, увидела свет. Спустя неделю вышла вторая часть. Через месяц статью перепечатала «Комсомольская правда» – на весь Советский Союз. И пошли письма от людей, переживших сентябрь 54-го. Их воспоминания вошли в эту книгу.

6. След облака

В момент взрыва атомной бомбы 14 сентября 1954 года на Тоцком полигоне мощное световое излучение испепелило и превратило в пыль все, что находилось на поверхности земли в эпицентре, в том числе верхний слой самой почвы. Получился сильно нагретый – до 800 градусов по Кельвину (около 525 градусов по Цельсию) – запыленный слой, который вихрем, образованным отраженной ударной волной, был поднят в воздух и превратился в пылевой столб. А столб соединился с облаком взрыва. Так спустя несколько секунд после взрыва образовался атомный гриб. По свидетельству военных историков, максимальная высота этого гриба составила 12 километров, ширина – шесть. Через 15–20 минут после ядерного взрыва ножка гриба отделилась от шляпки. Оседая на землю, остатки облака и пылевого столба перемещались на восток.

Генерал-лейтенанту С.А. Зеленцову в 1954 году было 27 лет. Но он уже имел опыт проведения исследований поражающих факторов ядерного взрыва – участвовал в ядерных испытаниях на Семипалатинском полигоне. А во время подготовки и проведения Тоцких учений в составе группы испытателей занимался установкой измерительной аппаратуры на различных расстояниях от эпицентра взрыва, снятием и обработкой зарегистрированных параметров поражающих факторов ядерного взрыва.

Вспоминает **С.А. Зеленцов**:

– Закончив съемку картины взрыва, я в сопровождении дозиметриста и фотографа поехал на автомобиле по долине к эпицентру взрыва, периодически останавливаясь для съемки местности и опытных объектов (строений и техники с заключенными в них животными. – **В.М.**). Это было необходимо для подготовки экспресс-доклада правительству. Местность после взрыва трудно было узнать: дымилась трава, бегали опаленные перепелки, кустарник и перелески исчезли. Меня окружали голые, дымящиеся холмы. Ориентироваться было трудно. Однако массовых пожаров не было, и дороги были знакомы. Сфотографировав перевернутые и отброшенные танки, разрушенные траншеи, поврежденную технику, пораженных животных, прошли в направлении эпицентра взрыва, который выделялся группой отдельно стоящих, обугленных стволов деревьев, с которых ударом сверху были сорваны все сучья. Не доходя до зоны сильного радиоактивного заражения, пересекли дорогу, по которой перед нами прошли колонны наступающих. Было пусто и тихо, лишь пощелкивали радиометры, отмечая повышенный уровень радиации. Войска проследовали мимо эпицентра вне зоны сильного заражения. Непосредственно в зоне, примыкающей к эпицентру взрыва, земля была покрыта тонкой стекловидной коркой расплавленного песка, хрустящей и ломающейся под ногами, как тонкий ледок на весенних лужах после ночного заморозка. И на ней не было видно ничьих следов, кроме моих. Я ходил спокойно по этой корке, так как радиометр регистрировал уровень радиоактивности, не превышающий 1 рентген в час…

Неудивительно, что офицер не боялся получить опасную дозу радиации (хотя в подобном его молодечестве и мало пользы для здоровья), ведь главная опасность взрыва теперь таилась в шляпке атомного гриба, ставшей радиоактивным облаком.

Куда именно пошло это облако? Где искать его следы? Как определить, заражена ли оренбургская земля и в какой степени? На эти и многие другие вопросы долгих три с половиной десятилетия никто не давал людям ответа. Да и задавать такие вопросы в годы советской власти было попросту нельзя.

20 октября 1990 года мне, уже как автору статей о проблеме последствий событий сентября 1954 года, довелось побывать в Ленинграде на второй конференции Комитета ветеранов подразделений особого риска. Его, этот комитет, напомню, создал и «пробил» в тогдашних партийно-правительственных верхах Владимир Яковлевич Бенцианов, участник Тоцких учений.

На конференции я впервые получил точный ответ на вопрос, куда же полетело радиоактивное облако – шляпка тоцкого атомного гриба. Рассказал мне об этом Б.А. Федотов, выполнявший, будучи в 1954 году младшим сержантом срочной службы, особое задание командования. Служил он в Москве, в полку связи, бывал на разных испытаниях. Когда его вызвали в штаб для получения приказа, сказали: если боишься – откажись. «Нет, – ответил младший сержант Федотов, – я солдат». И его отправили в Тоцкое проводить дозиметрию следа атомного облака. Подписку о неразглашении этой военной сверхтайны с него взяли даже дважды – и в Москве, и в Тоцком.

Рассказывает **Борис Алексеевич Федотов:**

– В день взрыва позавтракали в шесть утра, заехали на нашем «ГАЗ-69» с водителем Иваном Беловым за

старшим лейтенантом – и на аэродром. Машина наша стояла рядом с вертолетом. Если бы облако пошло не по прогнозу, вертолет должен был бы нас взять и вместе с машиной высадить где надо... Дали команду: как получим сигнал «Лед идет», радио – только на прием. Закоптили стекло, чтобы взрыв смотреть. Офицер спрашивает: «Хочешь почувствовать? Стань здесь, на бугре». Он бывал на Семипалатинском полигоне, знал, как это бывает. Летят бомбардировщик «Ту-4» и пять истребителей. На втором круге бросили. Через стекло – всплеск, как молния сверху вниз. Лицо обожгло, словно ветром с костра, уши сдавило, страшный грохот, толкнуло туда и обратно. Отнял стекло: шар, а в нем все вращается, и два колечка от него быстро-быстро вверх и вниз. Огонь появился, ножка опустилась. А на горизонте все горит... Через час-полтора получили приказ идти за облаком. Не доезжая примерно четырех километров до эпицентра, развернулись и поехали вслед за облаком. У нас было два прибора – со шкалой ниже одного рентгена и выше одного рентгена. Первый прибор сразу зашкалило. Второй вскоре показал 20 рентген. Старший лейтенант говорит: «Наденем противогазы». Идет он по земле – и 20, и 30 рентген есть. Пятачками. Где максимальная радиация, брали образцы почвы и воды, а данные шифровали и передавали в штаб: «Копье, я – Калибр, для вас срочное радио». Километров 350 проехали в первый день. Ехали левее (то есть севернее. – **В.М.**) железной дороги, движение на ней тогда было остановлено... На второй день зигзаги делали уже по 10 километров – облако рассеивалось. Земля была заражена пятачками – то меньше одного рентгена, то вдруг 50...

Самое время уточнить, какой 14 сентября дул ветер над Тоцким полигоном. 13 марта 1991 года начальник

Оренбургского гидрометцентра **А.И. Ефимов** в справке для облздравотдела пишет: «По аэросиноптическим данным за 11 час. 14.09.54 г., западная половина области находилась под влиянием передней части барической ложбины с холодным фронтом, смещающимся с Европейской территории СССР на восток... Отмечался ветер западной четверти силой 30–40 км/час... Таким образом, преобладающее направление переноса воздушных масс в нижнем 5-километровом слое атмосферы 14.09.54 было с запада на восток с южной составляющей. Следовательно, радиоактивное облако, вероятнее всего, оказало влияние на Сорочинский, Грачевский, Красногвардейский, Александровский, Пономаревский, Шарлыкский районы».

Итак, уже в начале 1990-х можно было считать установленным фактом, что радиоактивное облако пошло на восток и северо-восток от Тоцкого и, разваливаясь по пути, заражало территорию перечисленных в справке гидрометцентра районов относительно небольшими пятнами с уровнем радиации в них до 50 рентген. Но что самое страшное – определить, где именно находятся эти самые «пятачки» и в каком количестве, очень сложно. Не будешь ведь бегать с дозиметром по всей области.

Не по всему, конечно, Оренбуржью, но хотя бы выборочно прошли ученые Института экологии растений и животных Уральского отделения Российской академии наук И.В. Молчанова, Е.Н. Караваева, Л.Н. Михайловская. Вот цитата из их доклада на 1-й научно-практической конференции «Медико-экологические аспекты последствий Тоцкого ядерного взрыва», состоявшейся в 1996 году в Оренбурге: «Проведено радиоэкологическое обследование почвенно-растительного покрова в пределах предполагаемой центральной оси

тоцкого радиоактивного следа… Пробные площадки находились вблизи Маховки, Пронькина, Кинзельки, Грачевки-Яшкина, Султакая и Рождественки, расположенных соответственно в 4, 25, 35, 105 и 120 км от места взрыва… Содержание Pu (плутония. – **В.М.**) в почвенно-растительном покрове обследованной территории Оренбургской области в 1,5–5 раз превышает уровень глобальных выпадений и укладывается в предел значений, отмеченных для населенных пунктов, расположенных на расстоянии 3–500 км от аварийной зоны Чернобыльской АЭС». Нужны комментарии?

После учений большая часть военных с Тоцкого полигона разъехалась. Местным жителям ехать было некуда, они остались на своей земле. Растили овощи, держали скот, словом, пищей обеспечивали себя сами, а вода всегда была в колодцах и родниках. Никто не думал о том, что привычные продукты, свои, природные, родные, вдруг стали опасными. Ведь «начальство» ни о чем не предупреждало! А между тем с 1955-го по 1960 год количество онкологических больных у нас в области выросло со 103,6 человека на 100 тысяч человек населения до 152,6 человека! В полтора раза за пять лет! Тенденция сохраняется и сейчас. В Оренбургской области на конец 2009 года число онкологических больных составило 42 963 человека – это два процента населения (для сравнения: по России этот показатель равен 1,8 процента). Заболеваемость составила уже 367,8 человека на 100 тысяч населения. Рост только за год – 7,4 процента.

При всем при этом многие скептики, особенно из числа ученых-радиобиологов, близких к правительственному финансированию, и отставных офицеров, «не утерявших связи» с Минобороны, не верили раньше и не хотят верить сейчас во взаимосвязь Тоцких

учений и роста онкологических заболеваний у жителей Оренбургской области.

Желающие расстаться со скепсисом по этому поводу могут заглянуть в Тоцкий районный загс, как сделал это я еще в 1989 году. Там есть книга регистрации смертей. Со второй половины 1955 года наряду с «обычными» причинами смерти – авариями, пожарами, сердечно-сосудистыми заболеваниями – в ней все чаще стали появляться рак желудка, рак пищевода, белокровие… И это только в Тоцком районе. А ведь радиоактивное облако атомного взрыва пошло на северо-восток, в сторону Сорочинского, Красногвардейского, Новосергиевского районов и дальше, дальше. Следы Тоцкого радиоактивного атомного следа (ТРАС – для него даже аббревиатуру придумали красивую, в переводе с французского «трас» и будет «след») нашлись аж в Сибири, в районе Омска и Новосибирска… Это значит, что «под подозрением» остается весьма обширная территория на восток от Тоцкого, и нет никакой гарантии, что тот или иной участок поля, луга, леса, сельской улицы или городского квартала не заражен ошметками распадавшегося радиоактивного облака. Конечно, кому-то это может показаться неправдоподобным. Особенно тем, кто живет далеко от западного Оренбуржья, Кыштыма, Чернобыля и прочих «атомных» мест. Но вот что написал начальник ветеринарного отдела Совета агропромышленных формирований Оренбургской области **С.М. Пау** 14 июня 1991 года в справке с прямолинейным и красноречивым названием «Об экономическом ущербе хозяйств области, расположенных вблизи Тоцкого полигона, в связи с заболеванием крупного рогатого скота лейкозом»: «В большинстве колхозов, совхозов Сорочинского, Красногвардейско-

го, Тоцкого, Новосергиевского и ряда других районов, расположенных вблизи Тоцкого полигона, ежегодно складывается крайне тяжелое положение с заболеваемостью скота лейкозом. Только в 1990 году по этим районам выявлено 14–23 процента реагирующего крупного рогатого скота от числа исследованных. В целом по области было выявлено 28 тысяч голов (больных. – **В.М.**) коров и телок, в том числе 18 тысяч в вышеназванных районах, из которых незамедлительно на убой сдано 5,2 тысячи коров, 12 тысяч телок не допущены до воспроизводства.

Вследствие такого положения хозяйствам этих районов наносится ежегодно ущерб не менее чем в 6 миллионов рублей. Кроме того, на диагностические исследования ветслужбой области тратится более 0,5 миллиона рублей. Ущерб от заболевания, как правило, складывается от снижения качества животноводческой продукции, недополучения молока, от вынужденного убоя и неполучения приплода.

Считаем, что предрасполагающей причиной появления лейкоза в названных и ряде других районов области... стали ранее проведенные испытания ядерного оружия на Тоцком полигоне».

Убытки даны, как вы понимаете, в миллионах советских рублей. В российских это будут уже сотни миллионов. Ежегодно.

Словом, нет гарантии, что мы не пьем молоко от коров, питающихся травой, которая растет на радиоактивной почве. Нет гарантии, что мы не едим хлеб из муки «атомного» помола. Нет гарантии, что в воде наших родников нет тридцатикратного превышения среднего фона урана – как на стыке Сорочинского, Красногвардейского, Грачевского и Тоцкого районов. Нет гарантии, что дачники или грибники, взрослые

или дети, сельчане или горожане с водой, грибами, фруктами, ягодами и овощами, со всем, что дает нам земля, не получают ежедневно радиоактивную отраву. Все Оренбуржье, похоже, стало зоной бедствия в том далеком 1954 году. И продолжает ею оставаться. И будет оставаться еще очень долго…

Тоцкий район богат лесами, а они летом полны ягодами и грибами. Ох как собирают землянику в первые дни июля в тоцких лесах местные жители и приезжие из соседних сел! Мороз идет по коже от этого зрелища даже в самую сильную, тридцатиградусную жару.

СОПРОТИВЛЕНИЕ МАТЕРИАЛА

10 мая 1990 года в Ленинграде стараниями ветерана Тоцких учений В.Я. Бенцианова был создан Комитет ветеранов подразделений особого риска. 20 октября вместе с Т.В. Злотниковой, тогда она была председателем комиссии по вопросам экологии Оренбургского областного Совета народных депутатов, и В.А. Труновым, учителем из села Пронькина Сорочинского района, в 17 лет ставшим свидетелем Тоцкого ядерного взрыва, мне довелось побывать на конференции «атомных солдат» в Северной столице. Ей тогда еще не вернули имя Петра I.

Комитет, согласно его уставу, объединил «бывших военнослужащих Советской армии и Военно-морского флота, войск МВД и КГБ СССР, принимавших участие в войсковых учениях с применением ядерного оружия, испытаниях этого оружия и связанных по роду своей службы с ядерными установками и оружием,

а также участников ликвидации последствий аварий на АЭС и других объектах атомной промышленности».

Ветераны собрались в окружном Доме офицеров, вспоминали свою опасную работу, рассказывали, как Минобороны ни в какую не желало признавать их подорванное здоровье результатом военной службы. А вечером, после того как всю прессу, кроме меня (проходившего более как оренбуржец, нежели как журналист), вежливо попросили, на закрытом заседании приняли обращение к Президенту СССР и генсеку КПСС М.С. Горбачеву. Мы, оренбургская делегация, хотя и состоявшая всего из трех человек, прекрасно осознавали, что представляем интересы сотен тысяч наших земляков, пострадавших в результате Тоцких учений. Поэтому требовали обратиться к руководителю СССР не только от имени военнослужащих, но и от лица мирных жителей Оренбургской области. Такой поворот дела взволновал руководителей Комитета, и они упросили нас снять это предложение. Аргумент у них был простой и привычный: на «атомных» ветеранов, которых к тому времени отыскалось две сотни, у государства деньги, пожалуй, найдутся, а если просить еще и на гражданское население западного Оренбуржья, то могут не дать ничего. Тогда мы потребовали хотя бы напомнить Михаилу Сергеевичу о том, что незамедлительного решения ждут и проблемы мирных жителей Оренбургской, Семипалатинской областей, других регионов, где проводились атомные испытания. Наше требование, в особенности после того как мы рассказали о

последствиях Тоцкого взрыва для оренбуржцев, было принято единогласно.

В кулуарах конференции Владимир Яковлевич Бенцианов сыпал перед Тамарой Злотниковой остротами и расточал ей комплименты. А после отозвал меня в сторонку, поправил очки с толстенными линзами-«аквариумами» и, понизив голос, спросил, кивнув в сторону нашей экологини:

– Она хоть симпатичная? А то еще обидится на мои реверансы. Ведь я же не вижу ни черта, только силуэты…

Зрение у Владимира Яковлевича стало «садиться» примерно через полгода после Тоцких учений.

7. Жизнь «после атома»

Что же происходило после атомных учений в деревнях, расположенных вокруг эпицентра, подковообразной долины, в которой росла дубовая роща, испарившаяся в момент взрыва 40-килотонной ядерной бомбы?

На две трети сгорела деревня Маховка, расположенная всего в четырех километрах от эпицентра, а что не сгорело, то было снесено взрывной волной. Та же или почти та же участь постигла Тащиловку, Орловку и Елшанку, жители которых позже объединились в одно село – Елшанку-вторую.

Послушаем жуткий в своей бесхитростности рассказ тогдашнего председателя Тоцкого райисполкома **Ф.И. Колесова**:

– На следующий день заезжал в села – кинжальным огнем уничтожило постройки. Где дом стоит – помещения для скота снесены, а где наоборот. Жили лесники, изгородь у них была из бревен, один дом известкой облили, он сохранился, а другой уничтожило. Где упала бомба, завихрение, что ли, получилось, один куст осинника остался в руку толщиной, а больше ничего, все черное... А жена моя Екатерина Федоровна – она на зады пошла с одеялом. Как волна шла, она глядела. Месяц пожила. И из Оренбурга приезжали лечить – поздно… Запрещали населению рыть окопы, велели сидеть дома. Которые не слушались, выкопа-

ли, сидели, а кому охота поглядеть было, поглядели... Вот на Первомайской улице за пять лет умерли, считай, все мужики, да и женщины многие. Мужики больше, они выходили чаще в лес. Волна выше Тоцкого прошла, а в Сорочинске кто у окон был – порезались. А наутро скот погнали пасти из Тоцкого, из Кирсановки. Скотину пасли, молоко-то надо. Никто не знал и не говорил, что нельзя... Заметно было, что люди больше болеют, умирают. Врачи приезжали, смотрели, щупали. Лекарств никаких не давали.

Н.Б. Курапов, житель Тоцкого-2, рассказывал мне, как жили люди в первые месяцы и годы «после атома»:

– В лощинах вдоль речки Маховки много было дров, поваленного, полусгоревшего леса, который возили и в Тоцкое, и в Оренбург, когда там был штаб Южно-Уральского военного округа, и в окрестных селах пользовались этими «радиоактивными» дровами. Батаевы, наши знакомые, привезли такие дрова, когда они еще гарью дышали. Вскоре умерли... Умерло много моих знакомых учителей, и все они болели раком. И это только учителя... Никто нам не говорил: товарищи, не ездите на полигон, не берите там дрова!

Дополняет рассказ его земляк **И.Е. Кушайков**:

– Я побывал на полигоне вскоре после взрыва. Землянку в шесть накатов вдавило вровень с землей. Лоси лежали, как обритые, раздутые, никто их не убирал. А люди поехали туда дрова брать, воду пили из речек... То ли мы такие дураки, то ли те, кто нами руководил.

Вывезенным в село Каменная Сарма жителям Елшанки разрешили вернуться к своим домам, когда село еще горело. Вспоминает **М.К. Щевелева**:

– Родители со старшими дочками выгребали картошку из погреба, а я залезла за чем-то очень интересным в пепел от горящего дома. Пепел еще не остыл, и под ним сохранились угольки – вот я сильно обожгла ноги. Мама кинулась ко мне, на руках несла бегом куда-то. Оказалось – к колодцу. За ручки меня держали, а в воде ножки оказались. В колодцах срубы были из плетня, вода подходила близко к поверхности почвы. Я до сих пор помню тяжелое дыхание моей матери (была неповоротливая – ну конечно же, через два месяца родила сестренку, которую мы до сих пор зовем «атомная»). Папа был шофером, пригнал машину и отвез в госпиталь, который находился в здании школы. Со слов папы, врач был еврей, увидев меня с ожогами, отцу сказал: «Девочка – будущая невеста, надо сделать так, чтобы шрамов не осталось». И такой «вонючей гадостью» мазал, что я находилась вне дома. Но зато боль утихла, и сейчас никаких шрамов действительно нет. Нас из временных квартир в селе Каменная Сарма переселили в специально отстроенное село рядом с поселком Искра под Бузулуком. Дома деревянные, сосновые. Но с 1955–56 года все переехали в свое село: кто мог, перевез семью, и большинство так сделало. Переехали потому, что новое место намного хуже нашего села… Это сейчас, оглянувшись, можно удивляться беспечности и бестолковости нашей. Но кто мог предполагать, что нельзя в селах жить? Нам было главное: вернулись в родные места, где красивые леса, нарядные луга, чистые родники.

Л.А. Вольновой (она тоже родом из Елшанки) во время учений было двенадцать лет.

– До сих пор хочется задать вопрос, – говорит она, – кто привез нас в сгоревшее село на второй-

третий день? Вернулись мы: уголья тлели, бродили кошки. Наш дом сгорел. А мы его только с таким трудом отстроили. Сгорело все, что было. Было, конечно, немного, так как после отмены варварских налогов чуть-чуть дышать начали… Жить было негде. Подъемные выплатили, компенсацию за ущерб – 200 рублей на старые деньги. Зиму прожили на квартире у родственников. У них своя семья была пять человек да нас семеро... Как только стаял снег, ушли с квартиры и все лето строили землянку. Жили в бане, благо она не сгорела. А строить было не из чего. По ночам (днем не разрешали) ездили на лошади в лес, разбирали блиндажи, доски радиоактивные воровали, строились. Два года прожили в землянке. Потом за свои деньги перевезли построенный для нас военными дом в поселке Красногвардеец Бузулукского района. Сами восстановили и только в 1957 году зашли в него. И никому не было дела до нас – как жили, как выжили. Пили воду, ели овощи и не задумывались о последствиях. Ловили в лесу овец после взрыва, резали, ели… Почему люди из села повымирали? Когда отец умирал в 1981 году от рака желудка (а он у нас не выпивал и не курил), то наш фельдшер, который всю жизнь тут прожил, говорил, что смерть уносит жизни людей по этапам: несколько лет затишья, потом восемь-десять человек за год… Кому-то надо было заниматься статистикой!

Казалось бы, почему не жить в новых домах подальше от зараженных мест? На этот вопрос мне ответил старожил Елшанки-второй **А.П. Петров**:

– Там, куда нас отселили, голое степное место – ни леса, ни лугов. Не то что у нас. Да здесь и могилы дедов и прадедов наших, село около трехсот лет существует... Переехало назад семей шестьдесят. До

54-го года наш колхоз имени Чапаева богатейшим хозяйством был, четвертое место по области занимал. Разорили колхоз. Выселили людей, и колхоз сразу просел. А тут ликвидировали и сельсовет...

У **Николая Васильевича** и **Нины Кузьминичны Леоновых** из Маховки сгорел дом, осталась одна саманная стена. Когда на третий день после взрыва они вернулись в родную деревню из Баклановки, где находились в «эвакуации», их встретил оставленный ими теленочек. «Чуть живой!» – восклицает Нина Кузьминична. В этот момент на руках у Леоновых были сын двух с половиной лет и семимесячная дочь. Хозяйство приходилось начинать с нуля.

Учительница **Ю.Г. Сапрыкина** из Сорочинска вспоминает, как на ее глазах умирали окружающие. У всех был один и тот же зловещий диагноз.

– Через четыре месяца после взрыва умерла ученица моего класса – рак головного мозга. На второй год умер мальчик – рак головного мозга. Мне достались дети 1954 года рождения. Один мальчик, Зубков Саша, плохо учился, болел, мучили головные боли. Окончил четыре класса, больше не мог учиться, а вскоре ослеп, четырнадцатилетним умер. Мать рассказывала, что когда он родился, на нем были черные пятна… Началась смертность взрослых и детей. У соседа умер трехлетний ребенок – рак крови. Умер военком Душин – рак крови, кровь ему меняли семь раз. Умер врач от рака крови – ему пять раз меняли кровь…

Г.В. Теркина, еще одна уже известная нам жительница Сорочинска, считает, что население в должной мере не предупреждали об опасности последствий атомного взрыва – об обработке жилищ, о правильном приготовлении пищи, не говоря уже о предупредительных медицинских мерах или спецобследованиях.

– Что говорить о «простых» людях, когда умирали руководители района! – восклицает **Г.В. Теркина**. – В селе Пронькине погибли один за другим, через год-два, председатель сельского Совета Старосельцев И.А., председатель колхоза имени Ленина Новиков В., жена директора школы Бобылёва М., сам он погиб, а в селе Маховка умерли его брат, отец. В селе Баклановка умирали один за другим. Председатель Сорочинского райсовета Коротин С.С., который ездил буквально после взрыва на место испытаний, умер от рака легких. Умерли заведующая культотделом Додонова, жена секретаря райкома Малютина, жена начальника гражданской обороны Трунова, директор мехлесхоза Рязанов Б.

В нашей семье этот взрыв отразился самым жестоким образом на всех женщинах. Облученная средняя сестра (отличница семилетки, прекрасно рисовала, играла на аккордеоне) училась в 1956–58 годах в Покровской культпросветшколе. Там выезжала на уборку картофеля, который пекли на костре и ели. Умерла от рака в 1958 году в 19 лет. Перед смертью сказала, что еще три девочки из группы тяжело болеют. У моей матери – онкозаболевание, она инвалид II группы, произведена операция. Я сама перенесла тяжелую операцию. Младшая дочь родилась с пороком сердца и нижней полой вены (перенесла операцию, инвалид II группы). Старшая дочь имеет заболевание, которое трудно не связать с Тоцким взрывом… А сколько народу уехало из этих районов и умирает в других местах от этого «радиационного мора»!

В.И. Шапилову в 1954-м было семь лет. Родился он в Бузулуке и жил там до 18 лет. В августе 1990 года, будучи военнослужащим, приехал в родной

город в отпуск, и ему попала в руки газета «Новое поколение» с моей статьей о Тоцком взрыве. «Подобной статьи я лично давно ждал», – написал он в редакцию. В этом своем письме Виктор Иванович очень подробно и точно проанализировал то, что на его глазах в течение первых двух десятилетий после атомных учений происходило с оренбуржцами, жившими рядом с Тоцким полигоном. Рядом – это и в нескольких километрах от него, и в нескольких десятках километров, но расстояние не всегда спасало от смертельной болезни. Четверо его родственников, в том числе отец, умерли от рака. Вот к каким выводам пришел тогда, в 1990-м, **Виктор Иванович Шапилов**:

– Не сразу после взрыва, а в начале 60-х годов мы все (я имею в виду свое поколение) вдруг стали хорошо знать, что такое рак, лучевая болезнь, лейкемия и тому подобное. Но не потому, что нас медицина просветила на опыте Японии. Нет. Как-то незаметно, исподволь эти понятия вошли в нашу жизнь и вдруг стали обыденными, повседневными. То есть начали умирать еще не старые люди, а то и совсем молодые, именно от этих болезней. Я, наверное, никогда не забуду мальчика пяти лет, у которого в поликлинике брали кровь на анализ (примерно в 1962–63 году), а она была бледно-розового цвета. Вскоре он умер от лейкемии. А еще была соседская девушка Нина, которая умерла примерно в 1975–76 году. Диагноз тот же – лейкемия. А было ей всего 25 лет.

Но наиболее заметно для меня было вот что. В нашем «ауле», в котором я рос (район вокзала), жили практически одни железнодорожники. Так вот в конце 60-х они потихоньку начали вымирать. Причем первыми – машинисты, помощники и кочегары. В 50-е

была еще паровозная тяга, а в 60-е – уже тепловозная. А вслед за ними пошли путейцы, но не все, а те, которые более-менее часто в 50-е годы выезжали в командировки на участок Тоцкая – Сорочинская. Причем умирали они, как правило, не дожив до пенсии либо успев получить ее один-два раза. Когда умирал очередной, и опять, как и многие до него, от рака, окружающие объясняли это очень просто: «Что же удивляться? Он ведь часто бывал в Тоцком после взрыва». Все это я знаю не с чьих-то слов, все это я видел и слышал сам.

Интересно отношение населения к происходящему. Я бы сформулировал это таким образом: «Правительству надо было провести испытания атомной бомбы на живых людях, в густонаселенном районе. Оренбуржью не повезло, потому что выбор пал на нас. Умирать придется раньше срока – ничего не поделаешь, значит, так надо ради каких-то высших интересов. Не мы – так кто-то другой». Вот это почти дословно я много раз слышал от отца, родных и знакомых. Причем говорилось это без возмущения или недовольства, скорее, как-то покорно-обреченно. Мы же не можем, мол, как американцы, испытывать бомбы на японцах, приходится на своих.

Если сейчас Минздрав СССР (напомню: это письмо я получил в конце 1990 года. – **В.М.**) запрещает связывать онкологические заболевания с пребыванием в Чернобыльской зоне, то что же было в середине 50-х годов? Тогда все прекрасно осознавали: все, что связано с атомным взрывом, должно быть покрыто завесой секретности. Начать оказывать эффективную медицинскую помощь населению – значит, разорвать эту завесу. А кто мог решиться на это? Да, Сталин к тому времени уже умер, но грозный об-

лик Лаврентия Павловича очень крепко сидел в сознании людей. Значит, все, тупик. Умирай, но молчи. Что и делали. Мои земляки просто-напросто оказались один на один с атомной смертью.

Не могу согласиться с предположением, что жертвы (последствий Тоцкого взрыва среди гражданского населения Оренбуржья. – **В.М.**) исчисляются десятками или сотнями. Убежден, что их тысячи, а наиболее вероятно – десятки тысяч. Я реалист, военнослужащий, офицер и реально представляю, что такое атомный взрыв и каковы могут быть его последствия, как прямые, так и косвенные. Ведь нельзя забывать, что радиация воздействует и на генетический код живых организмов, значит, пострадавшие могут быть и во втором, и в третьем поколениях.

К сожалению, Виктор Иванович не ошибался. Преподаватель Оренбургского государственного педагогического университета **В.Г. Семенов,** детство которого прошло километрах в пятнадцати от Тоцкого полигона, вспоминал:

– Через десяток лет после взрыва начинают умирать от рака люди, среди них и моя мать. Наша соседка, еще более молодая, погибла от рака крови. Много было случаев заболевания раком кожи у жителей окрестных деревень… В 1984-м или 1985 году я был на студенческой научной конференции в Оренбургском госмединституте. Было подготовлено и сообщение о мутациях новорожденных детей в Тоцком районе, показано множество заспиртованных уродцев. Как мне показалось, сообщение было доказательным, но несвоевременным, оно опередило решение о рассекречивании на несколько лет. Поэтому и реакция на него была закономерной – институтское научное руководство заявило: «Неубедительно. Да, мутаций много, но

их даже больше в других районах области». Однако доказательств данного тезиса не последовало.

Письмо жительницы Приозерского района Ленинградской области Надежды Бочкаревой, написанное в ответ на перепечатку моей статьи «Репетиция Апокалипсиса» в «Комсомольской правде» от 14 сентября 1990 года, переслали мне из Москвы, из редакции «Комсомолки». «Собиралась написать давно, – признавалась она, – но было страшно, думаю, знаете сами, почему». Надежде Никоноровне исполнилось восемь лет, когда над ее поселком Михайловским (не существующим теперь) Люксембургского, а ныне Красногвардейского района Оренбургской области проплыло атомное облако.

– Через 10–11 лет, – пишет **Н.Н. Бочкарева**, – заболела мама – рак пищевода, умерла в 1967 году голодной смертью, в страшных муках. Когда была еще в состоянии говорить, просила, умоляла врача сделать ей укол, который бы прекратил ее страдания. Меньше чем через семь лет после мамы заболела я – рак молочной железы. В это время я жила в Оренбурге. Отнеслись ко мне в онкодиспансере очень внимательно, видно, жалели, ведь 27 лет всего, маленькие дети. Я врачей просила, чтоб скорее меня отпустили, не ведала, глупая, что это не шутка. На инвалидности не была, стыдно было. Но хоть резаная-перерезаная, полуурод, живу до сих пор благодаря врачам Таисии Ивановне, Маргарите Николаевне и другим и Бога благодарю, что дал мне возможность вырастить детей…

Года через два после меня заболела средняя сестра – диагноз тот же, примерно еще через год – младшая из старших сестер, диагноз тот же. В 1978 году, 23 мая, умерла средняя сестра Мария, остались одни ее

сыновья 19 и 13 лет. В этом же году, 3 июня, от скоротечного рака легких умер наш отец. Моя единственная сестра, остававшаяся в живых, жила в Сорочинске, была на инвалидности, одна воспитывала двоих детей, пенсию ей не давали, так как большая часть стажа у нее колхозная, а на производстве – всего несколько лет. Я писала в Комитет советских женщин, ей назначили пенсию 40 рублей. Естественно, ей, невзирая на болезнь, приходилось тяжело работать, чтоб прокормить детей. В итоге в феврале 1980 года она слегла – метастазы в печень, медицинской помощи не было никакой, не считая одного визита местного «онколога», которая брезгливо ткнула во вздувшийся живот и сказала: «Все ясно». Я, оставив семью и уволившись с работы, уехала за сестрой ухаживать, больше некому было. Больной смертельно человек, стенающий от боли день и ночь, двое детей, наркотики, за которыми нужно ездить каждый день – сначала за рецептом к врачу, затем в аптеку… Это был какой-то кошмар и для меня, тоже нездоровой, еще и надорвавшейся почти неподвижным телом сестры. И страшная мысль, сверлящая мозг: «Меня ожидает то же самое…» За что над простыми людьми, наивно верившими своему правительству, и так «вынесшими все, что Господь ни пошлет», произвели такой страшный эксперимент?..

Если кто из вас, читатели мои дорогие, может ответить на этот вопрос, то ответьте – хотя бы себе. Я ответа не нахожу вот уже два десятка лет и, боюсь, не найду никогда.

35 лет длился заговор молчания вокруг Тоцких учений и их последствий для солдат, офицеров и мирных жителей. За все это время ни один представитель тогдашней власти даже не подумал что-то сделать для людей, которые ценой собственного здоровья, а то и

жизни доказали, что спасения от ядерного оружия нет. Лишь в 1989 году в центральной прессе появились первые робкие статьи на эту тему. С введением в действие 1 августа 1990 года Закона СССР «О печати» стало возможным публиковать более подробные материалы. Тогда-то о Тоцком – 54 узнали все. Тогда-то и активизировались депутаты разных уровней и руководители Оренбургской области.

В 2003 году на большой пресс-конференции в Колонном зале Дома Советов Оренбурга я задал губернатору **А.А. Чернышеву** вопрос на тему долга власти народу, больную для всех оренбуржцев тему:

– Через год исполнится 50 лет войсковым учениям с применением атомного оружия на Тоцком полигоне. Вы первым 14 лет назад на государственном уровне подняли эту проблему. Семь лет спустя мы получили постановление Правительства № 1561 за подписью Виктора Степановича Черномырдина, где предусматривалось финансирование строительства медицинских учреждений в пострадавших от взрыва районах. Но денег область не получила, потому что случился дефолт и произошло секвестирование бюджета. Собираетесь ли вы продолжить свою работу в этом направлении?

– Спасибо, что вы помните тот момент, когда еще на Съезде народных депутатов РСФСР я, как депутат от Оренбуржья именно по той зоне, Бузулукскому избирательному округу, задал вопрос, и Борис Николаевич Ельцин поддержал мое предложение, – ответил Алексей Андреевич. – Тогда в постановлении Съезда было дано поручение выделять средства на ликвидацию последствий взрыва. В последующие годы правительство действительно не выделяло значительных средств. Но все же выделялись деньги на строительство в той зоне лечебных учреждений. Я помню, что

14 сентября 2004 года будет 50-летие. И наша задача – сделать все возможное, чтобы населению того региона помочь в оказании медицинских услуг. В Бузулуке в этом году будет открыта поликлиника, там же продолжается строительство онкодиспансера, который мы достроим за счет областного бюджета с помощью федерального центра.

СОПРОТИВЛЕНИЕ МАТЕРИАЛА

В марте 1992 года в оренбургский Дом Советов, где я в то время работал пресс-секретарем губернатора В.В. Елагина, позвонили из Санкт-Петербурга. Северо-западное бюро журнала «Огонек», ультраперестроечного издания, попросило меня помочь отснять видеоматериал об учениях 1954 года для японской телекомпании Эн-эйч-кей. Вскоре в Оренбург прилетели ребята из Питера, и мы, погрузившись в зафрахтованный «РАФ», уже собирались отчалить в Тоцкое, как меня в последний момент догнал еще один звонок. Заместитель редактора газеты «Южный Урал» А.Б. Кривенко просил зайти к нему: «У нас тут японское телевидение в гостях, нужна твоя консультация о Тоцком взрыве». Неудивительно, что японцев после Хиросимы и Нагасаки интересует атомная тема, удивительно, что две японские телекомпании одновременно потянулись в Оренбург. Вероятно, разведка у ТВ «Асахи» – а в «Южном Урале» сидели именно ее представители – была на высоте, и руководство медиа-холдинга решило в пику конкурентам из Эн-эйч-кей сделать свой фильм о русской Хиросиме.

Спустя пару лет Тоцким заинтересовались англичане – в Оренбург прибыла съемочная группа, состоявшая исключительно из российских граждан, но во главе с подданным Ее Величества Джейми Дораном. Взяв с собой в качестве консультантов ветеранов Тоцких учений И.Г. Скворцова и В.Я. Ковалева, а меня в качестве проводника, Доран и вся теле-компания отправились в сторону эпицентра. На территорию полигона иностранца (а заодно и всех остальных), конечно, не пустили, и мы двинулись в объезд. Поскольку на бомбодром, в который превращен эпицентр, можно спокойно въехать со стороны Маховки, мы так и поступили. Правда, тогдашний и.о. начальника штаба 27-й гвардейской мотострелковой дивизии подполковник С.А. Мартюшев честно предупредил нас, что после обеда на полигоне могут быть стрельбы, так что лучше бы слишком долго там не разгуливать. Но попробуй объясни это Джейми! Директор группы уже размахивал руками, что твой Спилберг, показывая, куда двигаться ветеранам, с какой стороны снять памятник учениям, как выгодней показать вдребезги разбитую меткими летчиками старую технику, раскиданную по бомбодрому-эпицентру. На все мои призывы поторопиться он только энергично кивал, но съемки продолжал. Пришлось, когда на часах было без пяти два, шепнуть г-ну Дорану, что через пять минут «МиГи» и «Сушки» забросают нас ракетами. «What? – дошло, наконец, до британского гостя. – Rockets?! Go! Go!! Go!!!» И мы быстренько смотались в соседнюю Маховку.

Там бедные москвичи, не говоря уже об англичанине, хотя и маялись от июльской жары, но даже колодезной студеной воды не испили, а уж от овощей с местных огородов отказались наотрез. Странно, что респираторы не надели. Наверное, застеснялись перед маховцами, смиренно несшими свой атомный крест вот уже сорок лет.

Кстати, несмотря на обещания, ни русско-японская, ни русско-британская группы фильмов своих мне так и не прислали.

8. Диагноз: радиофобия

Тема атомных учений под Тоцким оказалась благодатной не только для журналистов столичных и оренбургских газет и телеканалов. За нее ухватились и наши «зеленые», прежде всего Тамара Злотникова, тогда еще депутат областного Совета. Она весьма активно и настойчиво долбила московских чиновников, тормошила местную общественность, требуя рассказать всю правду о ядерном взрыве 1954 года, а затем и сделать хоть что-то для людей, десятилетия проживших там, где прошло, распадаясь, радиоактивное облако.

Активность Злотниковой, позже дважды депутата Госдумы и даже председателя думского комитета по экологии, в «тоцком вопросе» отмечал и **В.Н. Григорьев**, в начале 90-х годов – председатель Оренбургского областного Совета народных депутатов, а затем, до самой своей смерти в 2000 году, председатель Законодательного собрания области. С ним мы встретились летом 1999-го в его рабочем кабинете в Доме Советов, чтобы вспомнить годы, когда битвы за признание и понимание жгучей проблемы оренбуржцев, живущих в районах, подвергшихся воздействию ядерного взрыва, только начинались.

– Эта проблема давно интересует жителей нашей области, – сказал Валерий Николаевич. – И не только жителей Тоцкого и прилегающих к нему

районов. Она на самом деле актуальна, потому что гриф секретности с учений 1954 года, по сути дела, так и не снят. В 1990 году я приглашал из Москвы специальную комиссию, чтобы оценить ситуацию, которая складывалась тогда, определить расчетные дозы облучения, способные оказать воздействие на состояние здоровья населения. Наши областные службы здравоохранения и статистики говорили и говорят о том, что ситуация в этих районах отличается в худшую сторону по сравнению с остальными территориями области. Комиссии работали, но ответы приходили такие, что вряд ли могли кого-то устроить…

С В.Н. Григорьевым нельзя не согласиться. Вот, например, он пишет 15 февраля 1991 года министру обороны СССР Д.Т. Язову: «...Подготовлена программа неотложных мер по ликвидации последствий... испытания. Для... изучения масштабов воздействия взрыва на население области и ликвидации его последствий необходимо полное рассекречивание материалов Минобороны, касающихся взрыва, радиационной обстановки, медицинского обследования участников испытаний и населения прилегающих регионов... Без снятия грифа секретности... невозможно решение неотложных задач программы».

Ну, кажется, все ясно: надо знать, с какими конкретно последствиями взрыва бороться, кому помогать в первую очередь и чем. Так подскажите, товарищи военные. Речь-то идет о людях, об их здоровье и жизни самой!

И вот спустя три месяца, 13 мая 1991 года, первый заместитель министра обороны генерал армии К. Кочетов, наконец, собрался с ответом: дескать, в июне 1990 года в Оренбургской области работала ко-

миссия и установила, что «по ретроспективной оценке ситуации (1954 года. – **В.М.**) расчетные дозы облучения не могли оказать воздействия на состояние здоровья населения... Состояние здоровья населения в обследованных районах в настоящее время по основным медико-демографическим характеристикам соответствует среднеобластным показателям, включая онкозаболевания и врожденные аномалии, и не превышает таковых в контрольных районах области и РСФСР (на эту фразу прошу обратить особое внимание. – **В.М.**)... Вопрос о рассекречивании материалов о войсковом учении в Тоцком учебном центре в 1954 году рассматривается».

Видимо, рассматривается этот непростой вопрос и по сию пору. А может, все-таки не рассматривался никогда? Похоже на то. Судите сами: в июне 1991 года в нашу область приезжает еще одна столичная комиссия и делает выводы, почти дословно повторяющие ответ генерала Кочетова председателю областного Совета Григорьеву. Правда, некоторые данные замолчать все же не удается. Например, члены комиссии во главе с О.Н. Прокофьевым не могли в своей справке не признать, хотя бы и сквозь зубы, что «по сравнению с 1979 г. отмечается увеличение врожденных аномалий в Бузулукском районе в 5 раз, в Грачевском – в 4,5 раза, в Тоцком – в 3 раза при среднем росте этих аномалий по области в 2,7 раза». То есть люди все чаще рождаются с отклонениями в здоровье. То есть замминистра обороны уличен во лжи.

Правда, тут же комиссия заключает (рано торжествуете, оренбуржцы): «Данные факты не могут быть однозначно связаны с ядерным взрывом в 1954 г., т. к. в Тоцком и Сорочинском районах... рост онкозаболеваемости не отличается от среднеобластного».

Пройдет всего три года, и 19 октября 1994 года депутаты Законодательного собрания Оренбургской области примут решение о неотложных мероприятиях по оздоровлению населения, проживающего в зоне ядерного взрыва, в котором, опираясь на исследования оренбургских ученых, констатируют: «В районах, пострадавших в результате атомного испытания, отмечается значительное увеличение онкозаболеваний. Так, с 1985-го по 1993 г. прирост составил: органы дыхания – 225%, щитовидная железа – 260%, лимфатическая и кроветворная система – 670%, кожа – 131,1%. Онкозаболеваемость детского населения возросла... в два раза... Количество детей с врожденными аномалиями и пороками развития увеличилось в 3–5 раз, показатель детской инвалидности в этом районе превышает среднеобластной показатель на 55%».

Итак, замминистра обороны СССР уже дважды уличен во лжи. Уличены и «товарищи ученые», которые, создается такое впечатление, выполняли министерский заказ. И вся эта генеральско-профессорская брехня завершается потрясающим по своему цинизму пассажем, который до сих пор почему-то терпит бумага с текстом справки столичной ученой комиссии: «Радиофобия среди населения, особенно усилившаяся после аварии на ЧАЭС и в связи с движением против ядерных взрывов, по нашему мнению, сказывается как на здоровье населения, так и на моральном состоянии».

Это они нам поставили диагноз: радиофобия! Люди, лгавшие и знавшие, что лгут, имели наглость горевать о нашем «моральном состоянии». А цель-то у ревнителей высокой морали с учеными степенями была, похоже, вполне определенная: минимум денег дать Оренбуржью на поддержку пострадавших в 1954-м и в последующие годы. Нет, конечно, сколько-то надо

было отстегнуть, без копеечки оставить нельзя, они так и пишут: «Просить Совет Министров РСФСР о выделении средств для оснащения диагностической и лечебной аппаратурой ЛПУ (лечебно-профилактических учреждений. – **В.М.**) г. Бузулука и Бузулукского района, выполняющих роль межрайонных лечебных центров, ориентировочно сумма составляет 2,2 млн. рублей, 480 тысяч долларов».

Рубли и доллары через запятую – это одна и та же сумма в наших и американских деньгах. Одна и та же, а не две разные. Плюса между ними нет. Что такое было в 1991 году 2,2 миллиона рублей? На всю область – ерунда. Сопоставьте: рыночная, то есть реальная стоимость двухкомнатной квартиры в центре Оренбурга составляла тогда 100 тысяч «деревянных». Вот цена, которую нам определили, вот наш гонорар за участие в массовке репетиции Апокалипсиса.

СОПРОТИВЛЕНИЕ МАТЕРИАЛА

В начале 1990-х сведения о Тоцком взрыве журналист, как вы уже поняли, мог собирать, только встречаясь с очевидцами, поскольку официальные военные источники, особенно в столице, хранили гордое молчание. Впрочем, и после прессу военные архивы встречали неохотно.

В марте 1999 года я побывал в подмосковном Подольске, где расположен Центральный архив Министерства обороны. Два одинаковых многоэтажных куба из силикатного кирпича прячутся за основательной оградой с надписью: «Стой! Охраняемая территория. Стреляют». Через забор я, конечно, не полез, а направился в приемную, где ее начальник В.А. Саличев и дежурная

Т.В. Лебедева объяснили, что в архиве не содержится данных об интересующих меня медицинских исследованиях, которым подвергались офицеры и солдаты, прошедшие через атомные учения 1954 года:

– Тут только документы частей: «назначить», «перевести», словом, приказы. А еще – передислокация частей, наряды...

Т.В. Лебедева даже предложила мне адрес одного историка-любителя, бывшего военного, у которого «много вырезок из газет про Тоцкое». Но вырезками, в том числе с моими собственными статьями, я и сам к тому времени мог засыпать кого угодно с головой.

Словом, еще раз я получил подтверждение, что всю правду о сентябре 54-го могут рассказать только сами «атомные солдаты» и жители сел окрест Тоцкого. Что ж, отрицательный результат – тоже результат. Да и свидетельства очевидцев всегда сильнее, а главное, правдивее любого официального отчета.

9. 25954 год

Платить по счетам 1954 года ни в начале 1990-х, ни сейчас не хотел и не хочет никто. Но однажды немного заплатить все же пришлось. Хотя, даже сильно зажмурясь, назвать помощью те крохи, которое государство наше от щедрот своих отвалило в первой половине 1990-х жителям Оренбуржья за пережитое ими в 1954-м, я бы лично не смог. Впрочем, давайте по порядку.

Комиссии, работавшие в районах, подвергшихся воздействию атомного взрыва, все же трудились не бесплодно. 13 сентября 1991 года президент тогда еще РСФСР Б.Н. Ельцин подписывает распоряжение «О мерах по защите населения Горно-Алтайской ССР, Алтайского края и Оренбургской области, проживающего на территориях, расположенных в зоне влияния ядерных испытаний». Иначе говоря, оренбуржцев в какой-то мере приравняли к жертвам испытаний атомного оружия на Семипалатинском полигоне, непосредственно примыкающем к Алтаю. В этом распоряжении было поручено разработать «комплекс неотложных мер на 1992–1993 годы по оздоровлению населения и социально-экономическому развитию населенных пунктов и прилегающих к ним территорий, расположенных в зоне влияния ядерных испытаний».

Такую программу администрация Оренбургской области, которую в тот момент как раз возглавил В.В. Елагин, разработала. Ее утвердил своим ре-

шением от 26 февраля 1992 года Малый Совет областного Совета народных депутатов, и программу представили в Министерство экономики теперь уже независимой (от бывших братских республик?) Российской Федерации. В том же 1992 году случилось первое финансовое, пусть маленькое, но чудо: наша область получила на ликвидацию последствий ядерного взрыва под Тоцким 200 миллионов рублей из республиканского бюджета. Я прекрасно помню те распоряжения главы администрации области, согласно которым эти деньги распределялись по районам на строительство фельдшерско-акушерских пунктов, других лечебных учреждений. Деньги шли и на проведение исследований в Тоцком, Сорочинском, Бузулукском, других «атомных» районах – наши, оренбургские ученые наконец-то получили возможность выяснить, какова там подлинная радиационная обстановка, почему болеют люди, отчего мрет скот, и понять, что же делать дальше.

Дальше? А дальше было вот что. В 1993 году республиканский бюджет выделил на решение тоцких проблем уже лишь 64,88 миллиона рублей. Потому, вероятно, 23 сентября 1994 года правительство нашей области издало постановление № 56-п «О неотложных медико-экологических и санитарно-гигиенических мероприятиях по оздоровлению населения Оренбургской области, проживающего в зоне влияния Тоцкого ядерного взрыва, на 1995–1996 годы». 19 октября того же 1994 года, как вы уже знаете, это постановление было принято Законодательным собранием области, пришедшим на смену областному Совету народных депутатов, и оформлено в виде решения ЗС. Этим решением В.Н. Григорьеву, теперь уже председателю Законодательного со-

брания, было поручено обратиться в Правительство Российской Федерации с ходатайством о выделении в 1995–96 годах средств из республиканского бюджета на выполнение намеченных мероприятий.

В 1999 году я побеседовал с **А.М. Русановым,** в 1994-м он был начальником отдела охраны природной среды и природопользования администрации области, а спустя пять лет – председателем комитета обладминистрации по науке, высшей школе и региональной политике образования. Он непосредственно занимался проблемой последствий Тоцкого атомного взрыва, координировал исследования, проводившиеся в пострадавших районах.

– Александр Михайлович, какова сейчас радиационная картина в Тоцком, Сорочинском, Красногвардейском, Бузулукском и других районах, затронутых атомными испытаниями?

– Конечно, некоторое превышение предельно допустимых норм по радиоактивным веществам есть. Но очень незначительное. Поэтому говорить, что сейчас, в наше время, действуют ярко выраженные радиоактивные элементы, нельзя. Но и современная радиобиология не может пока ответить на очень важный вопрос – о длительном воздействии малых доз радиации на живые организмы. ПДК? Ну что такое вообще в данном случае ПДК? Антропогенная радиоактивность появилась на Земле всего полвека назад – ядерные взрывы, атомные электростанции... Предельно допустимые концентрации тут – еще не устоявшиеся величины. При разовых воздействиях на организм человека нам известны предельные и смертельные дозы радиации. А вот как действуют небольшие дозы в течение десятилетий, как у нас в области, – этого никто сказать не может.

– В таком случае правильно ли будет заявить, что сейчас в тех районах Оренбуржья, о которых мы ведем речь, все более или менее нормально с радиацией?

– Нет. Уважающий себя специалист так не скажет, потому что не может дать четкого и ясного ответа на этот вопрос. Именно на такой, в общем-то, не очень оптимистической ноте закончилась первая научно-практическая конференция «Медико-экологические аспекты последствий Тоцкого ядерного взрыва», проходившая в Оренбурге в 1996 году. Четко мы можем говорить: о воздействии на людей в момент взрыва – да, о радиоактивном следе – да. Но в сочетании с другими неблагоприятными воздействиями – радоном (природный радиоактивный газ из недр Земли), применением пестицидов типа ДДТ – малые дозы в течение многих лет, конечно же, оказывали негативное воздействие на организм человека. И это воздействие четко зафиксировано теми исследованиями, которые проводились у нас в области.

– 28 декабря 1996 года было подписано Постановление Правительства Российской Федерации № 1561 «О мерах государственной поддержки социально-экономического развития Оренбургской области в 1997–2000 годах». В нем, помимо чисто экономических аспектов, имелось приложение № 2 – «План мероприятий по медико-социальной реабилитации населения Оренбургской области, проживающего в зоне Тоцкого ядерного взрыва, на 1998–1999 годы». Именно то, за что бились с Москвой администрация области и Законодательное собрание.

– Да, согласно этому плану, область должна была получить деньги на строительство поликлиник в Со-

рочинске и Бузулуке, межрайонного онкологического центра в Бузулуке, межрайонных центров санэпиднадзора в Бузулуке и Сорочинске.

– Что-то было сделано?

– Ничего, к сожалению. Ни копейки в область не поступило.

– Так что же мы получили за эти девять лет, что пытаемся поднять «тоцкий вопрос» в полный рост?

– Деньги нам выделяли. Например, в 1994 году 400 миллионов в тех ценах дали на исследования и 305 миллионов рублей – на специальную медицинскую помощь. В частности, мы покупали детское питание тем детям из неблагополучных районов западного Оренбуржья, кому оно было необходимо по медицинским показаниям. Отправили на обследование в Санкт-Петербург десять человек из числа жителей этих районов.

А.М. Русанов рассказал еще, как скептически относятся к очень серьезной для нас теме связи Тоцкого взрыва и последовавшего за ним роста онкологических заболеваний московские научные светила, особенно те, которые работают под крылом Министерства обороны. Ни в какую не хотят они признавать этой связи. Ничего подобного, дескать, не может быть. Больше того – и при взрыве не могло быть никакого опасного воздействия даже на военнослужащих, не то что на гражданское население. Подобная позиция, на мой взгляд, диктуется двумя стереотипными соображениями: первое – армия народ обидеть не может, второе – нечего транжирить государственные деньги на необоснованные претензии по поводу подорванного здоровья.

Александр Михайлович привел пример того, как мурыжили оренбуржцев, как не хотели давать полную

и четкую информацию о последствиях атомных учений 1954-го:

– Мы долго сотрудничали с одним институтом в Подмосковье. Прекрасный институт, я там часто бывал в связи с исследованиями в Тоцком и других районах. Больше всего мы работали с отделом радиации. И был там один майор, фамилию его я знаю, но называть не стану. Когда мы начинали исследования и контактировали с петербургскими учеными, он направлял ход наших мыслей на то, что «наш» взрыв был не плутониевый, а урановый. А исследования по плутонию были очень дорогостоящие, и нам не хотелось тратить те гроши, что выделялись, попусту. Поэтому мы спрашивали: «Ну скажите, какой был взрыв?» – «Урановый, конечно, откуда тогда могла взяться плутониевая бомба?!» Но с каждым годом у нас прибавлялось доказательств того, что заряд был не урановый. Нет урановых осколков, а радиационный след остается. И мы пошли методом проб и ошибок, потратили деньги и выяснили, что плутония здесь, у нас, в пять-восемь раз больше, чем положено. А выяснилось это только в 1995 году – в последнем году, когда нам давали деньги из госбюджета.

Петербуржцы провели свои исследования образцов почв, переданных нами, и подтвердили нашу правоту. Надо сказать, что плутоний – чисто антропогенный элемент, то есть его нет в свободном состоянии в природе, его может «сделать» только человек. Его фоновое содержание полностью на совести человечества. Период полураспада плутония – двадцать четыре тысячи лет. Столько будет длиться, угасая, его излучение. И как оно скажется на наших потомках и потомках потомков?..

Да, так что же тот майор? Мы с ним встретились позже, и я у него спросил: «Слушай, товарищ, что же ты нам в то время правды не сказал?» Ответ был такой, почти дословно: «Ты видишь, сколько у меня звезд на погонах? Правильно, три. А если бы я тогда вам растрепал про бомбу, глядишь, так бы с одной и ходил…»

Ну что ж, теперь бывший майор может не опасаться за свое будущее: если не дослужился до генерала, то все равно получает приличную полковничью пенсию. Беспокоиться надо нам с вами – ведь это нам и детям нашим, и внукам, и правнукам жить на земле, помеченной плутонием, полураспад которого завершится в 25954 году от Рождества Христова. Господи, прости полковника и помилуй нас.

СОПРОТИВЛЕНИЕ МАТЕРИАЛА

В 1996 году на первую научно-практическую конференцию «Медико-экологические аспекты последствий Тоцкого ядерного взрыва» в Оренбург со всей России съехались специалисты, занимающиеся проблемами радиационной медицины, в том числе вопросами воздействия на здоровье людей отдаленных последствий атомного взрыва, малых доз радиации. Были среди них и члены Академии медицинских наук. Предполагалось проводить такие конференции раз в пять лет. К сожалению, первый большой научный сбор по поводу медицинских вопросов, порожденных Тоцкими учениями, оказался последним. Больше ученые у нас не собирались.

Понятно, что говорить вслух, да еще на всероссийском уровне, о том, сколько лишнего

и опасного можно найти в почве и воде Оренбургской области, не говоря уже об организмах ее граждан, сейчас просто невыгодно. Нам всем так хотелось бы инвестиций, открытия новых предприятий, создания рабочих мест. А инвесторов страшилки про плутоний в земле и уран в воде могут и отпугнуть…

Да, можно сколько угодно прятать голову в песок и делать вид, что проблемы последствий Тоцкого атомного взрыва не существует. Но однажды выяснится, что песок этот оплавлен взрывом и превратился в мутную стеклянную корку. Вы никогда не видели такую? Я видел. В эпицентре, на Тоцком полигоне. Головой ее не пробьешь.

Оренбургская область, по сообщениям официальных источников в региональном правительстве, занимает неплохие позиции в Приволжском федеральном округе по привлечению инвестиций, в том числе иностранных. Уверен, и будущих инвесторов не испугает ежегодная диспансеризация жителей западного Оренбуржья со всеми необходимыми обследованиями, нацеленными на выявление онкозаболеваний.

На это можно даже у Правительства России денег попросить в рамках национального проекта «Здоровье» (или сверх него – припомнив так и не выполненное постановление № 1561). Вон в Японии после американских атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки все жители страны старше сорока два раза в год организованно проверяются на рак желудка и рак крови – те заболевания, которые чаще всего

влечет за собой радиоактивное заражение. И что-то ни один иностранный деловой партнер японских бизнесменов еще не шарахнулся по этой причине из Страны восходящего солнца. Напротив! Япония за последние полвека стала одним из мировых центров экономической активности и притяжения капиталов.

Чего же мы-то боимся? Не самих ли себя?

10. Надежда умирает последней

Лето 1999 года. Почти 45 лет прошло с того жаркого сентябрьского дня, когда над Тоцким полигоном поднялся атомный гриб. Первый и единственный раз в истории человечества атомная бомба была взорвана в густонаселенном районе. И это случилось в России. Это случилось в Оренбургской области. Спустя 45 лет мы, оренбуржцы, узнали хоть какую-то правду о Тоцком взрыве: мощность заряда бомбы составляла 40 килотонн, взорвали ее на высоте приблизительно 350 метров, заряд был ураново-плутониевым...

Много чего мы узнали, да что толку? Правительство Российской Федерации не торопилось выполнять собственное постановление № 1561 от 28 декабря 1996 года о строительстве медицинских учреждений в Бузулуке и Сорочинске. Не было денег даже на ту малую малость, которую уж точно заслужили люди, живущие в зоне следа бомбы.

Летом 99-го я отправился в трехдневную командировку, чтобы посмотреть, как они живут, наши земляки из сел, прилегающих вплотную к эпицентру атомного взрыва 1954 года. Я побывал в двух из них – Елшанке-второй (пять километров от эпицентра) и Маховке (четыре километра).

Елшанка-вторая. Летний зной, улицы села пусты, людей можно заметить только на картофельных участках. Картошкой здесь спасаются... Вот и **Светла-**

ну Петровну Крюкову, учителя, депутата сельсовета, я застал на картошке. О чем спросить человека, который живет на этой земле, помеченной радиацией, где плутония в несколько раз больше нормы, да еще и выращивает тут картошку? Ну о чем? Наверное, только об одном:

– Светлана Петровна, если бы сейчас Правительство Российской Федерации вдруг сказало: «Просите чего хотите», что бы вы попросили для вашей Елшанки?

– Ну, во-первых, чтобы газифицировали село, – ответила депутат. – Чтобы были дороги. Чтобы здесь создали рабочие места. Раньше были фермы, люди работали, зарабатывали что-то, а сейчас из-за того, что скот болеет лейкозом, его вывезли.

– Абсолютно весь?

– Коров практически нет. Осталось несколько телят и тридцать голов свиней. Большая часть населения вообще не работает, жить людям не на что. В некоторых семьях нет сахара, нет хлеба, не во что обуть-одеть детей. И особая проблема – болеют люди: раковые опухоли, в основном смерть наступает от рака. Слабое медицинское обслуживание, больных не на чем даже вывозить отсюда. Надо, чтобы чаще обследовали людей именно на предмет рака и своевременно оказывали им помощь. И, кроме того, чтобы раковым больным давали какую-то помощь деньгами на приобретение лекарств. Многие не могут даже лечиться. Женщина из нашего села два года не может поехать в Оренбург – нет денег, – а у нее рак кожи.

– Сколько сейчас в Елшанке жителей?

– Человек 240.

– Сколько из них без работы?

– Легче сказать, сколько на работе, – человек 20. Сейчас есть кое-какая сезонная работа, а зимой они будут сидеть без работы. Дорогу надо сделать до Вязовки. Это у нас единственная связь с миром – с соседним селом, с городом, там хлебопекарня, медицинское обслуживание. Зимой, когда бывают заносы на дорогах, мы тут безвыездно живем – больных не вывезешь, хлеб не привезешь... Хорошее место, хорошая природа, но люди бегут отсюда, потому что жить не на что, пять лет не платят денег. Наши студенты и школьники каждую пятницу возвращаются пешком в село в любую погоду. Зимой на тракторах, а трактористы бывают пьяные, переворачивают трактор... Я просила администрацию нашего Бузулукского района, чтобы хоть по пятницам сюда автобус посылали или колхоз выделял, – реакция нулевая. У меня сын подрастает, я не хочу, чтобы он ходил пешком двенадцать километров в любую погоду...

Побывав в соседней Маховке, убедился, что здесь приблизительно та же картина: село «неперспективное», осталось в нем с полсотни жителей, даже хлеб сюда возят только летом и раз в неделю, газа нет, три-четыре школьника ходят пешком в Пронькино, где живут в интернате всю неделю. А ведь это благословенные края! Мне рассказали, откуда пошло название села: первые переселенцы нашли здесь сильный родник и прикрыли его мохом, чтобы другие не увидели. После отстали от других и вернулись сюда, чтобы построить Маховку (точнее было бы сказать, конечно, Моховку). Сейчас этот родник забился, почти лишилась истока речка Маховка, приток Самары. Своими силами сельчанам источник не расчистить.

– Хоть бы внукам нашим память о селе осталась, – говорят пенсионеры **Леоновы**, пережившие атомный сентябрь 54-го.

А пока... Пока в том неблагословенном 1999-м другой пенсионерке – ее фамилия Сидорова – обрезали электропровода, и она на исходе XX века жила в эпоху «до лампочки». Казалось бы, все справедливо, ведь не платила пенсионерка Сидорова за электричество. Только никто не говорил, чем ей за него платить...

Тогда же заместитель главы администрации Тоцкого района **А.А. Соколов,** говоря об оказанной району помощи в рамках компенсации за ущерб, нанесенный в 1954 году, рассказал, что центральной районной больнице прислали оборудование и жители района могли получать медицинскую помощь на месте.

– Но года три назад поставки оборудования прекратились, – подытожил Александр Александрович.

– И с тех пор Правительство России ничего для выполнения своих собственных решений не предпринимало?

– У нас в бюджете района заложено оказание помощи онкобольным. Но эта статья выполнялась не в полном объеме по причине недостаточного финансирования. Бюджет района в основном дотационный, 70 процентов получаем из области...

Тот же вопрос, что и С.П. Крюковой, депутату сельсовета Елшанки-второй, я задал позже тогдашнему председателю комитета по науке, высшей школе и региональной политике образования **А.М. Русанову,** уже знакомому вам.

– Александр Михайлович, чего следовало бы просить оренбуржцам, если бы вдруг Правительство России решило помочь им, пострадавшим от ядерного взрыва?

– Наверное, в первую очередь надо довести уровень медицинского и экологического обслуживания населения до просто среднероссийского уровня. Посмотрите, какие здания Госсанэпиднадзора в этих районах, какие там больницы – в бараках ведь зачастую до сих пор люди лечатся. Вот с этого бы начать.

Словом, не будучи даже знакомыми, С.П. Крюкова и А.М. Русанов требовали одного: дайте людям в пострадавших районах, прежде всего, достойное медицинское обслуживание. Но ведь именно об этом говорилось в Постановлении Правительства РФ № 1561! Что же можно было сделать, чтобы федеральные власти выполнили собственное решение?

С этим вопросом в июле 1999 года я обратился к главе администрации Оренбургской области **В.В. Елагину.**

– Надежда умирает последней. Пока по этой программе – мизерная, к сожалению, поддержка со стороны федерального правительства, – сказал Владимир Васильевич. – Поэтому мы больше надеемся сейчас на себя, чем на инвестиции Правительства в ту проблему, которую в свое время создало государство. Хотя не прекращаем борьбы, и наши депутаты Госдумы нас поддерживают, не все, к сожалению, активно. Но мы, я думаю, и с их помощью в бюджете на 2000 год, который уже представлен Федеральному собранию, будем отвоевывать строчки финансирования мероприятий по проблеме Тоцкого взрыва. Будем, конечно, добиваться, чтобы справедливость восторжествовала. Ведь сегодня восторжествовала справедливость в отношении участников испытаний атомного оружия на Тоцком полигоне, и теперь они приравнены к участникам войны по всем льготам... Много здесь проблем. Ведь одно дело – люди, по-

страдавшие в 1954-м, но ведь последствия взрыва начинают проявляться во втором-третьем поколении жителей этих районов. Над задачей помочь им мы сейчас должны работать...

СОПРОТИВЛЕНИЕ МАТЕРИАЛА

В 1997 году, в январский день Рождества, объявленный в новой России выходным, меня, работавшего тогда главным редактором газеты администрации области «Оренбуржье», вызвали в Дом Советов. Первый заместитель губернатора А.И. Зеленцов всегда трудился допоздна и без выходных, а потому вызов к нему в неурочное время никого не удивлял. Кому неурочное, а Александру Ивановичу – самое что ни на есть урочное…

Оказалось, повод для встречи власти с прессой действительно был, и весьма значительный: перед самыми новогодними праздниками, 28 декабря 1996 года, премьер-министр России и наш земляк Виктор Степанович Черномырдин сделал оренбуржцам подарок – подписал Постановление Правительства Российской Федерации № 1561 «О социально-экономическом развитии Оренбургской области». Меня особенно заинтересовало приложение, в котором говорилось о реабилитации жителей пострадавших районов и строительстве на западе нашего региона медицинских учреждений, прежде всего, онкологического диспансера в Бузулуке. В первом же послепраздничном номере «Оренбуржья» мы сообщили жителям области радостную весть.

Только радость, к сожалению, была не слишком долгой. Спустя полтора года, в августе

1998-го, грянул дефолт, и очень многие расходы бюджета страны были секвестированы. То есть попросту вычеркнуты вон из-за нехватки денег. Под нож угодило и постановление № 1561. Возможно, по той причине, что в марте того же, ставшего в августе дефолтно-черным 1998 года Виктор Степанович ушел в отставку.

А медицинские учреждения – фельдшерско-акушерские пункты, районные центры санэпиднадзора, поликлиники, онкодиспансеры – у нас в области строились и будут строиться. Только, увы, не на те деньги, что были обещаны нам в декабре 1996-го, а все больше за счет средств областного бюджета.

11. На деревню Ельцину, Клинтону, Кофи Аннану...

14 сентября 1999 года на Тоцком полигоне, в эпицентре атомного взрыва 1954-го, было необычно многолюдно. У подножия памятника «атомным солдатам» собрались те из них, теперь уже почти легендарных участников Тоцких учений, кто остался в живых и смог приехать на землю своей славы и боли. Съехались в эпицентр не только ветераны. Здесь были и люди среднего возраста, и школьники, которые должны знать историю своего края, должны прочесть и ту страницу, которая вписана радиоактивным следом в память каждого оренбуржца.

Митинг памяти открыл глава администрации Тоцкого района Г.Ф. Бузаев и предоставил слово председателю Законодательного собрания области В.Н. Григорьеву. Валерий Николаевич сказал о том значении, которое имели для страны и области те атомные учения, о мужестве людей, шагнувших навстречу опасности ради того, чтобы никогда не случилось непоправимого – большой атомной войны. Выступил на митинге и областной военный комиссар, а еще недавно командир 27-й гвардейской мотострелковой дивизии, дислоцирующейся в Тоцком-2, Г.М. Аверьянов (сейчас он председатель комитета Законодательного собрания области по вопросам образования, науки, культуры и спорта). Возле памятника – венки.

Подходили к микрофону и ветераны Тоцких учений, среди них – гость из Санкт-Петербурга **В.Я. Бенцианов**, председатель Комитета ветеранов подразделений особого риска Российской Федерации, организации, объединяющей тех, кто участвовал в Тоцких учениях, семипалатинских и новоземельских испытаниях ядерного оружия, пережил аварии на атомных подводных лодках…

– Я считал за честь, что Родина доверила мне участвовать в этих учениях, – сказал Владимир Яковлевич. – Результаты учений были тяжелыми, мы видели все то, что здесь случилось. Я как сейчас помню деревни Елшанку, Маховку, где дома были снесены с лица земли и остались одни печи. Был такой пожар, что трудно даже передать словами. Недалеко от Маховки стояло одноэтажное здание школы, часть стены была как срезана ножом, стояла в трехстах метрах и тоже горела. Конечно, в этих деревнях никого не было, кроме военных. Каждый выполнял свои боевые задачи, все существовавшие тогда реактивные, артиллерийские, минометные, авиационные системы бомбили заданный участок, не портя дорогого эпицентра, чтобы оставить его для исследований. Благодаря Тоцким учениям были полностью отработаны действия войск в условиях атомной войны. Данная нами подписка не позволяла в течение 25 лет что-либо сказать. И вот из 109 человек своего разведдивизиона мне удалось найти пока 11 человек. По всей стране порядка 5 200 участников Тоцких учений, 1 012 – в Белоруссии, 511 – на Украине, около 200 – в Казахстане. Выявление их продолжается. Честь и слава героям нашей Родины, отдавшим свою жизнь для создания ядерного щита великой державы! Мир тем, кто ушел из жизни раньше. Скорблю по погибшим жителям деревень, которые я перечислил. Но в этом

нет вины военных. Американцы к 1947 году имели более 300 ядерных зарядов, 10 из них предназначались Ленинграду, 24 – для Москвы, 14 – для Свердловска. И, оторвав деньги, предназначенные для восстановления страны, мы были вынуждены создавать ядерный щит Родины. Мы этим гордимся. Будьте здоровы, счастливы, живите долго.

В.Я. Бенцианов сказал и о том, что 2 600 ветеранов подразделений особого риска награждены орденами Мужества. У многих участников митинга я видел эти ордена на груди. Здесь самое время спросить: а что же те самые жители деревень, о которых говорил Владимир Яковлевич? Они-то чего удостоены?

Речь не о наградах, речь о самом элементарном – о газификации, о дорогах, о медицинском обслуживании, в конце концов. Мало сделано нашим правительством, можно сказать, почти ничего. Незадолго до митинга в эпицентре в нашей области побывала наша депутат Государственной думы Т.В. Злотникова, с ней приезжал известный тележурналист Александр Политковский, снимал сюжет о событиях 1954-го. Снова и снова бомбила Тамара Владимировна высокие и очень высокие инстанции своими запросами, требуя обратить внимание на тоцкую проблему. Попутно ругала «нерадивых оренбургских чиновников» за то, что не могли взять деньги, которые она для области «выбила». Но «выбила» ли?

Там же, на митинге, мы побеседовали с уже известным читателю **А.М. Русановым**, председателем комитета по науке, высшей школе и региональной политике образования областной администрации, которому от депутата доставалось больше всех.

– В начале 90-х годов нам удалось создать, сплотить группу ученых – не только оренбургских, но и из

ведущих российских центров, которые, совместно исследовав проблему, сумели доказать на самом высоком уровне, что негативные воздействия Тоцкого ядерного взрыва на природу в целом и на организм человека очевидны, – говорит он. – Под воздействием этих фактов Правительство России приняло постановление о поддержке нашей области в этом вопросе. Конечно, мы ожидали гораздо большего от этого постановления. Заявка была, как мне помнится, на 150 миллионов рублей, а сумма, которая отводится на строительство больниц, поликлиник и центров санэпиднадзора в пострадавших районах, составляет немногим больше 32 миллионов рублей. Тем не менее, эти медицинские объекты помогли бы правильно построить реабилитационную работу с пострадавшим населением, поднять уровень медицинского обслуживания этих районов хотя бы до общероссийского. Но, к сожалению, постановление не было выполнено, поскольку попало под секвестирование в 1997 году. Вины областной администрации я здесь не вижу, поскольку по России было секвестировано более 150 постановлений.

Что касается заявлений Т.В. Злотниковой о том, что область в 1999 году не использовала возможность получения 2 миллионов рублей из Федерального экологического фонда на завершение научных исследований по Тоцкому атомному взрыву, то тут Александр Михайлович сказал четко:

– Действительно, в конце февраля Тамара Владимировна обратилась с письмом к главе администрации нашей области В.В. Елагину, в котором говорится, что по ее инициативе внесены поправки в бюджет России и из экофонда нам выделяется эта сумма. Мы сразу же направили ей лично необходи-

мые материалы – по ее просьбе. Она по телефону мне сказала, что этих материалов ей достаточно, но надо прислать заявку в экологический фонд. Мы заявку отправили. Но вскоре руководство экофонда, с которым я начал часто общаться по телефону, сообщило, что мы составили заявку не по той форме, которая принята у них. Мне пришлось выехать в Москву, дважды встретиться с председателем Федерального экологического фонда Хуснутдиновым, обойти всех его заместителей, мы вместе составили заявку, в Оренбурге довели ее до ума с помощью ученых и, наконец, отправили в фонд. Все это время Тамара Владимировна неустаннно бомбардировала областную администрацию требованиями быстро составить заявку. Два месяца наша заявка рассматривалась в департаментах, отделах и комитетах Госкомэкологии, а 24 мая нам пришел официальный ответ: «Федеральный экологический фонд не сможет принять участие в финансировании данного проекта».

Если Тамара Владимировна твердо договорилась о финансировании этого проекта, то почему нам отказали? И почему она не помогала нам в рассмотрении заявки, а вместо этого писала письма, телеграммы, обращения к главе администрации с просьбой наказать тех «нерадивых чиновников», которые не работают над программой и так далее? Честно говоря, я не знаю, что за последние годы сделано самой Т.В. Злотниковой для поддержки пострадавших от Тоцкого взрыва регионов, кроме того, что она с этим вопросом обращалась лично к президенту США Биллу Клинтону, к генеральному секретарю ООН Кофи Аннану, несколько раз писала президенту России, премьер-министру. Но ведь эти обращения не были аргументированы, они все были популистского настроя. Если мы с Вик-

тором Михайловичем Боевым и другими оренбургскими учеными доказывали необходимость тех или иных мероприятий по Тоцкому, нам это удавалось сделать на основании строго выверенных научных фактов. У Злотниковой же, кроме эмоций, не было ничего. Такие обращения срабатывали в конце 1980-х – начале 90-х, а сейчас время другое.

Разъехались гости. Эпицентр атомного взрыва снова опустел. Лишь изредка здесь проезжают местные жители и военные – когда не проводятся стрельбы и бомбометание. Иногда к памятнику «атомным солдатам» подъезжают молодожены с цветами. Они не боятся ни стрельб, ни радиации, которая здесь в два раза больше нормы. Это мы должны бояться за них – за наше будущее, за детей, внуков и правнуков, быть мудрыми и не допускать повторения репетиции Апокалипсиса.

СОПРОТИВЛЕНИЕ МАТЕРИАЛА

В июле 2002 года в рамках проекта «Открытый мир», действовавшего под патронатом правительств России и США (а возглавляли его с российской стороны академик Дмитрий Лихачев и с американской – директор Библиотеки конгресса Джеймс Биллингтон), мне довелось побывать в штате Кентукки. Нет, конечно, я написал в заявке, что желал бы посетить штат Невада, где проходили испытания атомного оружия. Но, увы, видать, не всякому россиянину можно вот так запросто попасть в район атомного полигона, чтобы расспросить местных жителей, как же на них сказываются взрывы ядерных зарядов «made in USA».

Но и в Кентукки удалось кое-что узнать. Америка нам, конечно, давно не пример, но все же. За разговором об экологических проблемах в столице штата – маленьком, заштатном (извините за каламбур) городке Франкфорт в департаменте охраны окружающей среды сотрудник этого самого департамента Род Дэниелс назвал среди главных бед Кентукки радиоактивное заражение подземных вод и почвы возле города Падака, где находилось предприятие, связанное с производством ядерных вооружений. Это близко нам, оренбуржцам, пережившим атомный сентябрь 1954-го и полтора десятка подземных ядерных взрывов в 1970-х, произведенных для создания газохранилищ. По словам Рода Дэниелса, федеральное правительство обеспечивает достойное финансирование, чтобы справиться с этими проблемами. Жалоб на заболевания, связанные с радиацией, от местных жителей не поступало – может быть, потому, что для них проложили отдельный водопровод, дабы они не пользовались водой с повышенным содержанием радиоактивных веществ.

А что у нас? Практически единственное, что сделало правительство для жителей районов, пострадавших от атомных учений 1954 года, – это исследования, проводившиеся до середины 1990-х. После деньги не выделялись. Как вы уже знаете, В.С. Черномырдин в бытность свою премьер-министром подписал Постановление Правительства России № 1561 от 28 декабря 1996 года, которым среди прочего предусматривалось строительство в Бузулуке и Сорочинске онкодиспансеров, фельдшерско-акушерских пунктов

в районах… Но грянул дефолт 1998 года, и это распоряжение попало под секвестирование. Строить пришлось на областные деньги.

Правда, и у нас жители села Кичкас Переволоцкого района получили отдельный водопровод – после того, как потребовали избавить их от потребления колодезной воды с превышением содержания урана в несколько раз по сравнению с допустимой нормой.

12. Плутоний в борозде, мутация в клетках

Много лет подряд накануне 14 сентября я возвращаюсь к теме Тоцкого атомного взрыва 1954 года. С первой публикации в августе 1990-го в «Новом поколении», перепечатанной вскоре «Комсомолкой», говорю об одном и том же: правительство нашей страны должно признать свою ответственность за чудовищный эксперимент, проведенный над мирными жителями Оренбуржья, и помочь людям, которые живут в зоне «атомного следа». Но с годами ничего или почти ничего не меняется.

Об этом, увы, свидетельствуют и эти два интервью – В.М. Боева и А.М. Русанова, оренбургских ученых, непосредственных участников исследований тех районов нашей области, что пострадали от Тоцкого атомного взрыва.

В сентябре 2001 года о последствиях этого взрыва для оренбуржцев мы побеседовали с доктором медицинских наук, профессором **Виктором Михайловичем Боевым**, тогда – заведующим кафедрой общей и коммунальной гигиены с экологией человека, а сегодня – ректором Оренбургской государственной медицинской академии.

– Виктор Михайлович, как известно, вы принимали участие в исследованиях, проводившихся в

начале 1990-х годов в районах Оренбуржья, подвергшихся воздействию атомного взрыва. Они внесли какую-то ясность в проблему?

– Проблема остается. Хотя с 1995 года Правительство нам прекратило финансирование, потому что мы слишком глубоко копнули. Шел тогда общий разговор о коротко- и среднеживущих радионуклидах с периодом полураспада до 30 лет: цезий, стронций. А мы показали, что в отдельных населенных пунктах Сорочинского района – Пронькине, Баклановке – идет превышение по ним в 1,5–2 раза. Так какая же доза была в 1954-м, если все это сохранилось?! Нам даже не дали возможности детально выявить очаги радиационного загрязнения. Но нам удалось совместно с екатеринбуржцами определить присутствие в почве оружейного плутония. Откуда он у нас, в степном Оренбуржье, с превышением нормы в пять раз в отдельных точках? Период его полураспада – 24 000 лет. Хватит многим поколениям. Причем это альфа-частицы, их поступление в организм идет с воздухом, с пылью, из почвы. Так называемая инкорпорированная радиация. Люди этим дышат, это едят. В результате онкозаболеваемость и онкосмертность в ряде западных районов области самые высокие.

– Говорят, что наша область в целом на четвертом месте в России по уровню раковых заболеваний.

– Да. Так вот откуда в сельскохозяйственных районах – Сорочинском, Красногвардейском – уровень онкозаболеваемости, как в промышленных городах – Оренбурге, Медногорске? Это же о чем-то говорит. Каждый в том регионе должен знать, в каких условиях живет. Это его право выбора – оставаться там жить или нет. Мы ведь даже не ставили вопрос о какой-

то компенсации. Ну дали немножко, строить начали больницу в Сорочинске, медучреждения в Бузулуке. Это хорошо. Но мы до сих пор не знаем точно, куда облако-то пошло в 54-м. Мы не успели обследовать Александровский, Шарлыкский районы, хотя в Шарлыкском тоже высокий уровень онкозаболеваемости. Обследовали водоемы на предмет присутствия урана. Есть природный уран, но в водостоках мы обнаружили, что по сравнению со средним фоном в области в западном регионе он превышен в 15,5 раза, а на стыке Сорочинского, Красногвардейского, Грачевского и Тоцкого районов – в 32,5 раза!

– Чем реально, кроме раковых болезней, грозит людям проживание в этих районах?

– Снижением продолжительности жизни, врожденными аномалиями у детей, осложнением беременности, повышенной младенческой смертностью.

– Наверное, снижением иммунитета…

– Да про иммунитет и говорить нечего! У нас в медакадемии будет в октябре защита кандидатской диссертации на тему резкого снижения иммунитета у детей в Сорочинском и близлежащих районах.

– Вы в свое время приводили яркий пример по эндемическому зобу у нас в области.

– В Оренбуржье, конечно, йода мало, но именно в тех, западных районах его достаточно и в воде, и в продуктах питания. Откуда он взялся? Опять получается какая-то аномальная зона. Можно предположить, что тот радиоактивный йод, который был во время взрыва, распался, и теперь стабильного йода в окружающей среде достаточно. Мы определили, что в организме детей он тоже есть. А зобом они все-таки болеют! Значит, на щитовидную железу воздействуют другие факторы: инкорпорированная радиация, дисба-

ланс микроэлементов. В природе, как известно, если где что прибывает, то в другом месте убывает. Если в организме накапливаются токсичные микроэлементы, значит, есть недостаток полезных.

– Словом, ядерный взрыв 1954 года продолжает тихо убивать?

– У меня нет сомнений, что отрицательный фактор есть, он действует на состояние здоровья населения и будет действовать еще очень много лет. Совместные с москвичами исследования показали, что у жителей западных районов области есть хромосомные нарушения в лимфоцитах, причем у детей в два раза выше, чем у взрослых. Это проверено дважды: для сравнения брали кровь и у детей Подмосковья, и у наших из благополучного района. Причина одна – радиация. Это подтверждается и на мышах. У домовых мышей и у полевок, которых отлавливали в пострадавших районах, с 1954 года сменилось много поколений, и там уже по наследству передаются генетические отклонения: меняется строение челюстного аппарата, костного скелета. У людей изменения пока отследить труднее. Но по клеткам раковых опухолей видно, что мутации в них происходят.

СОПРОТИВЛЕНИЕ МАТЕРИАЛА

Недавно поймал себя на мысли, что мне перестала сниться атомная война. В студенческие годы сны о ней я видел регулярно. Вдруг сдвигается, как ножом срезанная, стена нашей квартиры, и мама, стирая белье в тазу, медленно и недоуменно поворачивает лицо к огненному шару, разгорающемуся в проеме… Еще запомнился сон о том, как я иду по Парковому проспекту, а

вместо кинотеатра «Космос» – дымящиеся развалины, вместо парка «Тополя» – лишь обугленные пеньки. Вчера над Оренбургом взорвалась атомная бомба… Заметьте: это сон тех времен, когда я еще почти ничего не знал о Тоцком-54.

Мое поколение жило с чувством постоянной угрозы много лет, с самого момента осознания каждым из нас, в каком мире мы родились. А теперь, наверное, уже лет десять голова свободна от навязчивого ощущения первой половины 1980-х: вот-вот грянет! В этом отношении хуже, безнадежнее, чем в 1983–84 годах, когда наши сбили южнокорейский «боинг» (участвовавший в массированной разведоперации США с участием даже челнока «Челленджер»), было, говорят, только в 1962-м. Я как раз в том году и родился, а потому могу лишь доверяться воспоминаниям старших. Они рассказывали, как жили во время Карибского кризиса. Тогда Джон Кеннеди не смог свалить Фиделя Кастро – операция ЦРУ в заливе Свиней закончилась разгромом американских наемников и провозглашением социалистического характера кубинской революции. И самый прогрессивный президент США устроил блокаду Кубы, которая отказалась от роли борделя и сахарницы Америки. Руководитель СССР Никита Хрущев в ответ разместил на дружественной Кубе ракеты с ядерными боеголовками. Американские самолеты-разведчики «У-2», летавшие над островом, словно над родной Флоридой, тут же засекли пусковые установки. Аэрофотоснимки попали на первые полосы западных газет, и началась истерия: завтра – ядерная война! Каждая добропорядочная семья в Соединенных

Штатах считала своим долгом соорудить у себя во дворе атомное убежище, а советские граждане неожиданно узнали, что у нас убежища давно готовы – в подвалах многоэтажных домов и под каждым крупным предприятием.

Такие укрытия строились в Советском Союзе вплоть до его развала. Я сам, служа в армии, участвовал в сооружении подземного убежища для рабочих и служащих деревообрабатывающего комбината в Приморье. Лестница с поверхности земли вела к толстенной стальной двери на глубине не меньше десяти метров, а за ней – вентиляционная система с фильтрами, двухъярусные кровати (скорее даже нары), баки для воды, склад с продовольствием на несколько дней, с одеялами, лекарствами и перевязочными материалами… Конечно, за жизнь стоит цепляться до последнего, это лучше самоубийственного безразличия к собственной судьбе и убийственного – к судьбам близких. Но что толку в убежище, пусть даже оно спасет от удара бомбы, если на поверхности вас встретит медленно и незримо убивающая радиация, да еще – дымящиеся развалины кинотеатра «Космос» и обугленные пеньки парка «Тополя»?..

И если сны об атомной войне отпустили, растаяли, как больное наваждение, значит, самая страшная глобальная угроза все-таки отошла на второй, а то и на третий план. Нашему миру и сейчас много чего угрожает, но прямой, острой опасности за пару-тройку секунд спалить дотла всю Землю уже нет. Или почти нет?

13. На круги своя?

В сентябре 2002 года о том, что можно и нужно сделать для оренбуржцев, пострадавших от Тоцкого взрыва, для их детей и внуков, живущих на плутониевых полях, мы говорили с **Александром Михайловичем Русановым**, известным экологом, тогда заведующим кафедрой общей биологии Оренбургского государственного университета, а ныне деканом химико-биологического факультета ОГУ.

– Александр Михайлович, 48 лет прошло со дня атомных учений на Тоцком полигоне. Какие уроки наше государство, наши руководители извлекли из них?

– Меня больше всего удивляет, что 45 тысяч участников учений, примерно столько же жителей районов, подвергшихся воздействию атомного оружия, даже не исследовались, как подобает, медиками, учеными. А ведь это очень важно, потому что в то время медицина знала о результатах действия больших доз радиоактивного излучения на человека и животных – уже были Хиросима и Нагасаки, но вот как действуют малые дозы – и сейчас непонятно. Вот ведь уникальная возможность исследовать это. Если уж взорвали бомбу, так доведите дело до ума.

– Почему вы думаете, что эта возможность не была использована? Может быть, мы просто ничего об этом не знаем?

– Мы встречались с очевидцами Тоцких учений, которые жили и продолжают жить в этой местности. Их никто не обследовал до начала 1990-х годов!

– Ну, тогда, в 54-м, предполагалось, что местные жители в безопасности, их же выселили километров за двадцать…

– Это людям так говорили. Но организаторы учений должны были понимать, что здесь сложились уникальные обстоятельства, которые можно было использовать для науки и медицины. Не использовали.

– Может, потому правительство и не оказывает помощь пострадавшим районам нашей области, что теперь доказать что-либо трудно? Исследования-то не проводились.

– Проводились, но в начале 1990-х. Вы об этом помните. И от них была бы большая польза и для оренбуржцев, и для практики, и для науки. Но эти исследования, не завершась, остановились. Деньги кончились.

– А какой-то практический вывод был сделан?

– Практический вывод был такой: несмотря на уверения ученых от военной медицины, нам удалось доказать, что воздействие Тоцкого взрыва на экологию территории, на животный, растительный мир и на человека очевидно. Именно под влиянием этих малооспоримых фактов правительство приняло 28 декабря 1996 года Постановление № 1561 о социально-экономическом развитии Оренбургской области, где отдельным приложением шло решение о реабилитации жителей пострадавших районов. Но это была косметическая мера.

– В том смысле, что это постановление не выполнено?

– Мы живем с вами в России, поэтому никогда нельзя сказать «да» или «нет». Приложение к постановлению, в общем-то, выполняется почти на сто процентов. Но вспомните, к чему это приложение сводилось: к строительству двух центров санэпиднадзора – в Сорочинске и Бузулуке, двух поликлиник там же и онкологического центра в Бузулуке. Все это обязано было появиться в этих городах еще лет тридцать назад. То есть целенаправленных действий правительства по реабилитации того населения, которое пострадало именно от ядерного взрыва, не было никаких. Вот почему это была косметическая мера. Но и она не была выполнена, потому что после дефолта 1998 года это постановление секвестировали в числе многих других. Но два объекта, по-моему, поликлиника в Сорочинске и центр санэпиднадзора в Бузулуке, были уже заложены за счет денег, которые поступали в рамках помощи пострадавшим районам еще в 1992–95 годах. Сейчас все эти объекты построены или близки к завершению, но за счет областного бюджета! Из федерального очень небольшие деньги стали поступать только после 2000 года. Львиную же долю расходов взяла на себя область.

А почему? Почему не получилось у ныне действующего (в 2002 году. – **В.М.**) руководства области выбить эти деньги в полном объеме? Тем более что возглавляет область человек, который стоял у истоков решения тоцкой проблемы. А.А. Чернышев первым еще в 1990 году как народный депутат РСФСР поднял этот вопрос… Тоцкая проблема – архиважная и в социальном, и в медицинском, и в экологическом плане. Так неужели нельзя было это постановление не секвестировать?

– Как сегодня обстоят дела с помощью пострадавшим районам?

– Положение дел не вызывает оптимизма, и вот почему. Проблема Тоцкого ядерного взрыва у нас была «решена» – ею перестали заниматься. Абсолютно. Вы помните, в 1996 году на Всероссийскую конференцию по Тоцкому взрыву в Оренбург приехали светила мирового уровня, действительные члены Академии медицинских наук? В заключительном документе участники конференции записали решение сделать ее постоянной и следующую провести через пять лет. 2001 год прошел – конференции, естественно, не было. Где бесценный материал, накопленный учеными Москвы, Петербурга, Екатеринбурга, Новосибирска, Оренбурга, тот самый материал о влиянии малых доз радиации на организм человека? Почему он остался без движения?

Никто не занимается диспансеризацией людей, которые живут в районе установленного «атомного следа». Уверен, что списков этих людей нет ни в областном управлении здравоохранения, ни в районах. Аналогия: в Японии во избежание риска онкологических заболеваний после Хиросимы и Нагасаки все жители страны старше сорока дважды в год проходят фиброгастроскопию и сдают анализ крови. Их проверяют на рак желудка и рак крови – те заболевания, которые чаще всего возникают вследствие радиоактивного заражения. Это сейчас вполне можно делать и у нас. Пусть не всех жителей области, но те 40 тысяч человек, которые живут в районе «следа», неужели нельзя раз в год диспансеризировать?

А кто-нибудь задумался, как быть с полями, где в почве в 3–5 раз больше нормы обнаружено плутония,

творения человека? Выращивать там хлеб, который напрямую пойдет в пищу человеку, или все же хотя бы многолетние травы, которые попадают сначала в организм животных и там частично оседают, меньше вредя человеку? Никто этим не интересуется – при всем уважении к нынешнему руководству области с его вниманием к селу. Никто не установил места локального радиоактивного загрязнения земель. Как там сеяли, так и сеют. Отчего не проверить поля на радиоактивность? Не посеять там фитомелиоранты – растения, способные адсорбировать некоторое количество радиоактивных элементов? Конечно, эти травы нельзя пустить на корм скоту, их надо попросту сжечь, но они помогут частично очистить почву от радиации.

– Так что нам делать-то, в конце концов, Александр Михайлович?

– Вспомните, что все это началось в 1990 году с выступления Чернышева и с вашей статьи. Нужен еще один Чернышев и еще один Моисеев, чтобы выступили они со свежими силами, вооружившись всеми имеющимися данными, и вернулись к решению тоцкой проблемы.

СОПРОТИВЛЕНИЕ МАТЕРИАЛА. *ВМЕСТО ЭПИЛОГА*

Спасибо, конечно, А.М. Русанову за доверие. Спасибо А.А. Чернышеву, депутату Верховного Совета и Государственной думы России, а с декабря 1999-го по июнь 2010 года – губернатору Оренбургской области, за то, что он первым, еще в 1989-м, поднял вопрос об оренбуржцах, чьи судьбы исковерканы нашей маленькой атом-

ной войной. Однако о Тоцком взрыве я пишу в газетах и журналах, выступаю на телевидении каждый год и в год по нескольку раз вот уже два десятилетия. Но десятки тысяч наших земляков так и живут рядом с атомным полигоном или в зоне «следа» в покосившихся домах без удобств, порой не имеют работы, хороших дорог, школы, магазина, пекарни в своем селе, не говоря уже о ежегодной диспансеризации…

Повторял и буду повторять: Правительство Российской Федерации, как правопреемник руководства СССР, должно признать свою ответственность за эксперимент над оренбуржцами 14 сентября 1954 года и сделать все, чтобы дожившие до наших дней очевидцы учений и их потомки имели информацию о той опасности, которой они подверглись и, возможно, подвергаются сейчас, получали государственную финансовую поддержку, достойное и полноценное медицинское обслуживание. Только тогда понятия «Родина» и «мать» для жителей Оренбургской области сольются воедино.

Люди имеют право знать обо всем, что их касается, обо всем, что они считают важным для себя и своих близких. Это священное право человека влечет за собой обязанность власти в полной мере сообщать людям о том, что их интересует. Или, во всяком случае, не препятствовать тем, кто несет людям интересующую их информацию. Прежде всего, речь идет о журналистах, нормальное и вполне вменяемое большинство которых не сомнительной славы и бешеных гонораров чает, берясь за перо, а думает о выполнении своего гражданского, конституционного

долга – осуществить то самое священное право человека на получение информации.

Попросту – рассказать новость. Какой бы трагической она ни была.

Может быть, она, эта новость, поможет людям избежать беды или сделать жизнь свою хоть немного лучше. Но в любом случае люди имеют право знать, что происходит в мире – и за тридевять земель, и у них под боком. Вот почему завершить эту книгу, думаю, будет полезно и правильно обзорной статьей о радиации в нашем регионе. Ее текст был получен мной не из секретного сейфа, а из администрации Оренбургской области в бытность мою главным редактором газеты «Оренбуржье» во второй половине 1990-х годов – для публикации. Не исключено, что некоторые данные за минувшие полтора десятка лет устарели, и все же, все же, все же…

Приложение

РАДИАЦИЯ В ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛАСТИ

В.А. Трифонов,
сотрудник Радиевого института
имени Хлопина (Санкт-Петербург)

Радиационная опасность или безопасность населения Оренбургской области обусловлена многими факторами, формирующими радиационное воздействие (дозу излучения) на человека.

Прежде всего, необходимо иметь в виду, что источником излучений является природная среда. Естественное облучение населения складывается из космического излучения и излучений, испускаемых природными материалами геологического происхождения. Географическое положение Оренбургской области таково, что космическое излучение соответствует средним, характерным для равнинных территорий значениям. Рассматривая второй природный источник излучений, необходимо иметь в виду весьма разнообразное геологическое строение территории области. Материалы, имеющиеся в ПГО «Оренбурггеолком», свидетельствуют о наличии многочисленных радиационных аномалий – отклонений от обычного, фонового уровня излучения. Характер таких аномалий различен на западе и на востоке области. На западе (Бузулукский, Курманаевский и Первомайский

районы) выявлено одиннадцать аномалий и групп аномалий, которые по геологическому признаку можно разделить на три основных типа. Имеются аномалии площадного характера, выходящие практически на поверхность земли. Население, проживающее на этих территориях, может подвергаться действию повышенной радиоактивности, возможно накопление радиоактивного газа радона в воздухе помещений, повышенное содержание радона и урана в воде.

На территории восточной части области (от Кувандыкского до Светлинского районов) выявлено большое количество радиационных аномалий, приуроченных к различным горным породам и геологическим структурам (осадочные рыхлые отложения, углистые сланцы, гранитоиды, разрывные нарушения и пр.). Например, в пределах Гайского месторождения найдена целая группа аномалий, связанных с вулканическими породами, что может служить причиной повышенных содержаний урана в рудничных водах и приводить к накоплению радиоактивных веществ в отстойниках. Особое внимание геологи обращают на радиоактивные аномалии в районе города Орска, поскольку они обнаружены на глубинах формирования верхнего водоносного горизонта, поэтому необходимо определение естественной радиоактивности воды.

Наличие и характер естественных радиационных аномалий на территории области позволяют сделать вывод о необходимости контроля естественной радиоактивности воздуха, воды, строительных материалов, отходов добывающей промышленности и технологического оборудования.

Еще один возможный путь поступления природных радиоактивных веществ к человеку связан с добычей нефти. Известно, что нефть, добываемая с различных

месторождений, несет с собой на поверхность земли радиоактивные вещества в различных количествах. Массовое обследование всех нефтяных месторождений не проводилось, но некоторая информация имеется. Так, при обследовании объектов и территорий объединения «Куйбышевнефть» установлено (Санкт-Петербургский государственный университет, НИИ химии), что на НГДУ «Первомайнефть» имеются значительные загрязнения нефтяного оборудования и грунта. Мощность дозы гамма-излучения у поверхности оборудования достигает 4600 мкР/ч, а на площадках – до 300 мкР/ч, что примерно в 230 и в 15 раз превышает естественный фон. Такие уровни излучения, безусловно, опасны для нефтяников. Кроме того, накопление радиоактивных веществ на почве создает опасные пятна загрязнения.

Подводя итог рассмотрению природных источников облучения, можно сказать, что имеются достаточные основания для дальнейшего изучения природной радиоактивности и ее вклада в дозу облучения населения области, и такая работа уже проводится. В 1993 году по заказу областной администрации Оренбургский политехнический институт, АОЗТ «РОСТ» (Санкт-Петербург) с привлечением сотрудников Радиевого института провели выборочные измерения содержания радона в помещениях ряда районов области. Актуальность этих обследований обусловлена тем, что до 60 процентов вклада в дозу населения от природных источников обеспечивают радон и дочерние продукты его распада.

Измерения показали, что Первомайский и Курманаевский районы явно радоноопасны. Средние значения объемных активностей в 3–4 раза превышают средний мировой уровень и составляют от 100 до

200 Бк/м^3. Как свидетельствует опыт Радиевого института, при таких средних значениях велика доля помещений с превышениями существующих нормативов. Поскольку в 1993 году проводилось лишь выборочное обследование ограниченного числа поселков и помещений, необходимо продолжить работу для выявления конкретных помещений с опасными превышениями нормативов по радону. Также необходимо продолжение выборочных измерений радона в других районах, поскольку радон способен распространяться на большие расстояния, в том числе с подземными водами. На востоке области (города Орск, Гай) и в городе Оренбурге не наблюдалось таких высоких средних значений объемной активности радона, что, возможно, обусловлено измерениями, в основном, в каменных домах с хорошей изоляцией перекрытий. Однако самое высокое значение – 482 Бк/м^3 – обнаружено в Орске. В этих районах также необходимо продолжение выборочных обследований.

Работы по определению естественной радиоактивности воды и строительных материалов, по нашей информации, в области пока не проводились.

Другой большой группой источников излучения являются источники технического происхождения. Здесь необходимо выделить источники глобального характера, выпадения от старых испытаний ядерного оружия, результат прохождения воздушных масс из Чернобыля и локальные источники загрязнения местности. Облучение от медицинских диагностических и лечебных процедур мы не рассматриваем.

По географическим условиям Оренбургской области глобальные выпадения не привели к значительным (по сравнению со среднеевропейскими) загряз-

нениям территории, что подтверждается результатами радиационных обследований различных организаций за многие годы.

Обсуждая локальные источники, необходимо отметить, что на территории области проведен атомный взрыв в атмосфере во время Тоцких войсковых учений, а также подземные ядерные взрывы в технических целях. Тоцкий взрыв обсуждается в большом количестве публикаций, и в настоящей статье мы не будем его рассматривать.

По имеющимся в литературе данным, с 1970-го по 1973 год на территории Оренбургской области выполнено пять подземных ядерных взрывов в мирных целях: два («Регион 1» и «Регион 2») – в Курманаевском и Первомайском районах, южнее города Бузулука; два взрыва («Дедуровка») – на западе от города Оренбурга, в Оренбургском районе; один взрыв («Совхозная») – на северо-востоке от города Оренбурга, в Октябрьском районе. Взрывы «Регион 1» и «Регион 2» проведены для глубинного сейсмозондирования при поиске полезных ископаемых. Объекты закрыты, по литературным данным, радиационная обстановка – на уровне регионального фона. Объекты «Совхозная» и «Дедуровка» создавались как подземные емкости для углеводородного сырья. «Совхозная» после 18 лет опытно-промышленной эксплуатации находится в стадии консервации, проводятся работы по очистке надфоновых загрязнений промзоны, ведется радиационный контроль, подготовлены проектные решения по закрытию (консервации) объекта. «Дедуровка» находится в опытно-промышленной эксплуатации. Проводятся работы по очистке от надфоновых загрязнений отдельных участков промплощадок. Ведется радиационный контроль.

Очевидно, что подземный ядерный взрыв приводит к захоронению в недрах большого количества радиоактивных веществ. Геологические условия в местах проведения подземных технических ядерных взрывов выбраны таким образом, чтобы исключить перенос радионуклидов на поверхность земли с естественными миграционными процессами. Возможный вынос на поверхность связан с использованием подземных емкостей. Происходит загрязнение технологического оборудования и образование пятен загрязнения на промышленных площадках. Кроме того, при накоплении воды на дне емкости образуется радиоактивный рассол. На «Дедуровской» площадке рассол вместе с газоконденсатом был вынесен на поверхность, что привело к загрязнению части промплощадки.

В 1992-м, 1993 годах предприятиями «ТЭНИНФОРМ» и АОЗТ «РОСТ» с участием Радиевого института проводились обследования радиационной обстановки в районах площадок «Совхозная» и «Дедуровская». Установлено, что на обеих площадках имеются участки с существенно повышенными уровнями мощности дозы гамма-излучения. Так, на «Дедуровской» эта величина составила 9400 мкР/ч, что превышает фоновое значение примерно в 470 раз. При анализе проб почвы и воды с этих участков обнаружено значительное количество радионуклидов цезий-137 и стронций-90. Для определения степени опасности этих загрязнений проводилось исследование химических форм пребывания радионуклидов в почвах. Оказалось, что часть радионуклидов находится в растворимых формах, поэтому возможен их перенос с природными водами. Необходимо отметить, что на «Дедуровской» площадке в конце 1993 года проведены работы по дезактивации части территории и

захоронению загрязненного грунта. В 1994 году продолжаются работы по определению опасности «Дедуровской» площадки для прилегающих населенных пунктов.

К сожалению, перечисленными источниками излучений естественного и технического происхождения проблема не исчерпывается. Радиационная безопасность является частью экологической безопасности региона и обеспечения безопасной жизнедеятельности человека. Концепция региональной радиационной безопасности направлена на защищенность людей от вредного ионизирующего излучения, отвечающую установленным принципам и нормам и достигаемую социально и экономически приемлемыми средствами. Радиационная безопасность включает следующие основные компоненты: инвентаризация источников излучений и радиоактивных веществ; контроль (мониторинг) радиационной обстановки по всем видам излучений; проектирование и разработка мероприятий по снижению доз облучения; реализация проектных мероприятий и контроль за реализацией; оперативные мероприятия по совершенствованию защиты, предупреждению аварий, ограничению и ликвидации последствий аварий; санитарно-гигиенический контроль за облучаемыми контингентами, выявление связей облучения с заболеваемостью, проведение санитарно-гигиенических и лечебных мероприятий; внесение и реализация законодательных актов и нормативов.

Ввиду общего финансового кризиса, структурной перестройки системы управления государством и, отсюда, нестыковки задач и возможностей бывших и нынешних ведомств – Минздрава, Росгидромета, Минприроды, Государственного комитета санэпид-

надзора, Министерства по делам гражданской обороны и чрезвычайных ситуаций, Госатомнадзора, территориальных администраций, – комплексные проекты региональной безопасности оказываются нереализованными. В рамках существующих возможностей мы выделяем частные задачи, актуальные для Оренбургской области.

Литература

1. **Моисеев, В.Г.** Репетиция Апокалипсиса. Ч. I и II / В.Г. Моисеев // Новое поколение (Оренбург). – 1990. – 4 и 11 августа.
2. **Моисеев, В.Г.** Репетиция Апокалипсиса. Ч. IV / В.Г. Моисеев // Новое поколение. – 1990. – 13 октября.
3. **Моисеев, В.Г.** Репетиция Апокалипсиса. Ч. V / В.Г. Моисеев // Новое поколение. – 1990. – 10 ноября.
4. **Моисеев, В.Г.** Репетиция Апокалипсиса / В.Г. Моисеев // Комсомольская правда. – 1990. – 14 сентября.
5. **Моисеев, В.Г.** Репетиция Апокалипсиса. 45 лет спустя / В.Г. Моисеев // Оренбуржье. – 1999. – 15 июля, 22 июля, 26 августа, 2 сентября, 9 сентября, 16 сентября.
6. **Моисеев, В.Г.** Плутоний в борозде, мутация в клетках / В.Г. Моисеев // Оренбургский курьер. – 2001. – 13 сентября.
7. **Моисеев, В.Г.** На своем поле, как подпольщики / В.Г. Моисеев // Оренбургский курьер. – 2002. – 12 сентября.
8. **Моисеев, В.Г.** Алексей Чернышев: «Четырех лет недостаточно» / В.Г. Моисеев // Оренбургский университет. – 2003. – 3 сентября.
9. **Ведерников, В.И., Моисеев, В.Г.** В эпицентре ядерного взрыва / В.И. Ведерников, В.Г. Моисеев // Российские вести. – 1993. – 19 января.

10. **Аверьянов, А.И.** Дрова из ядерного леса / А.И. Аверьянов // Волга-Урал. – 1992. – янв.
11. **Боев, В.М., Воляник, М.Н.** Антропогенное загрязнение окружающей среды и состояние здоровья населения Восточного Оренбуржья / В.М. Боев, М.Н. Воляник. – Оренбург: ИПК «Южный Урал», 1995. – 128 с.
12. **Бенцианов, В.Я.** Атомная «война» на Тоцком полигоне [Электронный ресурс] / В.Я. Бенцианов. Записал Д. Верхотуров // Промышленные ведомости. – 2005. – сент. Режим доступа: http://www.promved.ru/articles/article.phtml?id=569&nomer=22.
13. **Булгаков, А.** Нас посылали в эпицентр / А. Булгаков // Под знаменем Ленина (Бузулук). – 1991. – 16 октября.
14. Бюллетень № 12 совместного заседания Совета республики и Совета национальностей Третьей сессии Верховного Совета РСФСР 20 февраля 1991 г.
15. **Жоголев, А.** Адская машина / А. Жоголев // Волжский комсомолец. – 1990. – 5 августа.
16. **Ипатова, Н.** Хиросима… на Южном Урале / Н. Ипатова // Смена (Ленинград). – 1990. – 26 сентября.
17. **Зеленцов, С.А.** Тоцкое войсковое учение [Электронный ресурс] / С.А. Зеленцов. Режим доступа: http://www.iss-atom.ru/ksenia/tockoe/4.htm.
18. **Кривой, И.И.** Атомный гриб над Тоцким полигоном / И.И. Кривой // Думиничская типография (Калужская область). – Год выхода книги и издательство не указаны, приблизительно 1996.
19. **Литовкин, В.** Учения 1954-го. Вглядимся в документы / В. Литовкин // Известия. – 1990. – 25 марта.
20. Медико-экологические аспекты последствий Тоцкого ядерного взрыва: тезисы докладов 1-й научно-практической конференции. – Оренбург: Издатцентр ОГАУ, 1996. – 96 с.

21. **Осин, И.** Тайна Тоцких учений / И. Осин // Российская газета. – 1992. – 12 июня.
22. **Васильев, А.Г., Боев, В.М., Гилева, Э.А.** Отдаленные эколого-генетические последствия радиационных инцидентов: Тоцкий ядерный взрыв / А.Г. Васильев, В.М. Боев, Э.А. Гилева и др. – Екатеринбург: Изд-во «Екатеринбург», 2000. – 288 с.
23. **Филатов, А.П.** На дне преисподней / А.П. Филатов // Авангард (Тоцкое). – 1991. – 5 декабря.
24. Ядерные испытания СССР. Том 1. Цели. Общие характеристики. Организация ядерных испытаний СССР. Первые ядерные испытания [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://npc.sarov.ru/issues/testing.html.

Кадры из «Фильма № 205»

1950-е годы. Войсковые учения с применением атомного оружия в США.

Фото из архива

Эпицентр перед началом Тоцких войсковых учений. На заднем плане справа заметна «мишень» – крест в квадрате.

Фото из архива Минатома

Тоцкий взрыв даже на расстоянии около 70 километров выглядел устрашающе.

Этот любительский снимок сделан в Новосергиевском районе

Эпицентр сегодня. Снимок сделан летом 2010 года.

Фото автора

Кадры из «Фильма № 205»

Маршал Г.К. Жуков на учениях. Фото из архива

Владимир Яковлевич Бенцианов в эпицентре Тоцкого взрыва 14 сентября 1999 года, в день 45-летия учений.

Фото Олега Рукавицына

Леонид Петрович Погребной (крайний слева за столом) – завуч Сорочинского ветеринарного техникума. 1954 год.

Фото из семейного архива Л. Погребного

Жительница Маховки Нина Кузьминична Леонова во дворе своего дома.

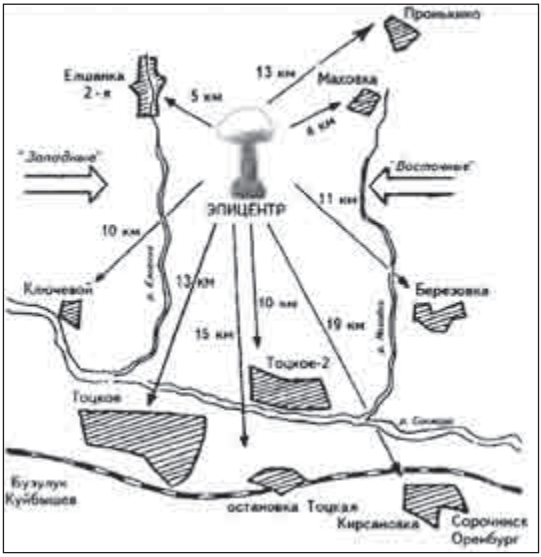
Фото автора

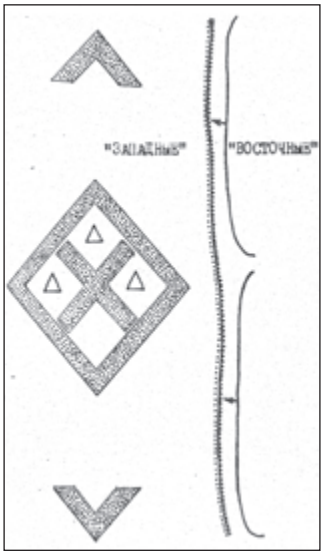
Кадры из «Фильма № 205»

1989 год. Куйбышев. Журналисты, приехавшие на комсомольскую конференцию Приволжско-Уральского военного округа, снялись с командующим ПУрВО генерал-полковником А.М. Макашовым и конструктором стрелкового оружия М.Т. Калашниковым. Во втором ряду над Макашовым – автор.

1994 год. Панорама эпицентра, служившего бомбодромом.
Фото Владимира Соколова

Кадры из «Фильма № 205»





Эту схему места проведения учений автор перерисовал с карты, показанной ему в штабе 27-й мотострелковой гвардейской дивизии в 1992 году. Впервые она была опубликована в 1993 году в газете «Российские вести». С тех пор и гуляет по разным сайтам в Интернете, но почему-то с пометкой «Из архива Минатома».

Мишень: обозначение эпицентра атомного взрыва для ориентирования экипажа «Ту-4».

Из книги И.И. Кривого «Атомный гриб над Тоцким полигоном»

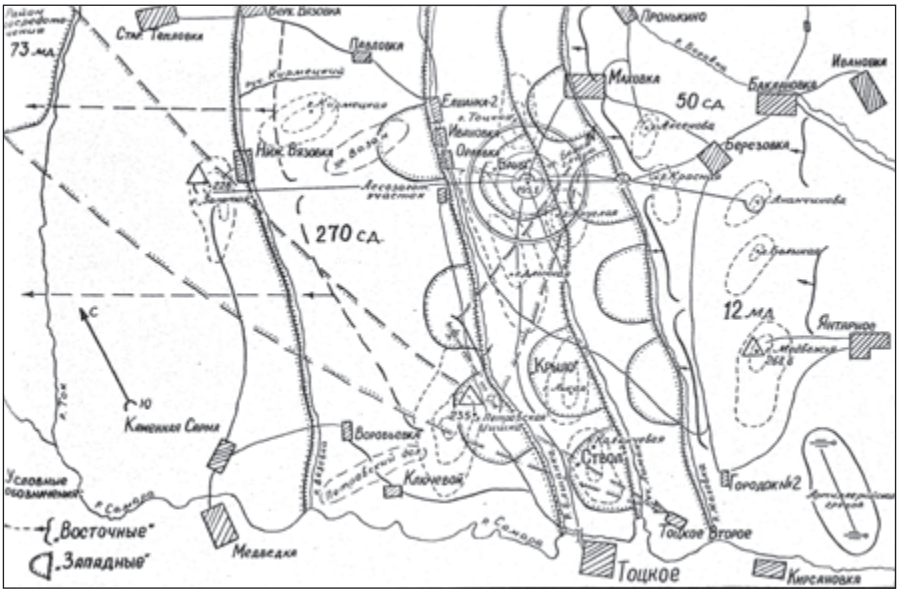


Схема замысла учений на Тоцком полигоне.
Из книги И.И. Кривого «Атомный гриб над Тоцким полигоном»

Новый памятник с тремя колоколами был открыт в эпицентре в 1994-м – в год 40-летия атомных учений.
Фото Валерия Гунькова

Раз в году – 14 сентября – в эпицентре бывает многолюдно.
Фото Валерия Гунькова

Старый памятник в эпицентре разрушать не стали. Он стоит метрах в трехстах от нового.
Фото автора

Федор Илларионович Колесов. В 1939–40 годах был председателем Оренбургского облисполкома, в 1954-м – председателем Тоцкого райисполкома.

ОРЕНБУРГСКИЙ ОБЛАСТНОЙ ЦЕНТР ПО ГИДРОМЕТЕОРОЛОГИИ

СПРАВКА

Справка Оренбургского областного гидрометцентра об аэросиноптических условиях 14 сентября 1954 года.

СОВЕТ АГРОПРОМЫШЛЕННЫХ ФОРМИРОВАНИЙ

Справка начальника ветеринарного отдела Совета агропромышленных формирований Оренбургской области об ущербе хозяйств от заболевания скота лейкозом.

Ректор Оренбургской государственной медицинской академии Виктор Михайлович Боев.
Фото с сайта ОГМА

Декан химико-биологического факультета Оренбургского государственного университета Александр Михайлович Русанов.
Фото автора

Современная карта Тоцкого полигона и его окрестностей.

Досье

НОВОЕ ПОКОЛЕНИЕ
№ 31 ● 4 августа 1990

I. РЕПЕТИЦИЯ АПОКАЛИПСИСА

Страница первого бесцензурного номера газеты «Новое поколение» со статьей «Репетиция Апокалипсиса», часть I.

14 сентября 1994 года. Автор с журналистом Раисом Кабановым на открытии нового памятника в эпицентре.
Фото Владимира Соколова

Автор в Маховке в 2010-м.

Содержание

1. Последние дни 3
2. «Изгиб земли» 10
3. Поверить бомбой все, что есть у армии 23
4. «Татьянин» день 33
5. Пепел братьев наших меньших 46
6. След облака 56
7. Жизнь «после атома» 67
8. Диагноз: радиофобия 82
9. 25954 год 88
10. Надежда умирает последней 97
11. На деревню Ельцину,
Клинтону, Кофи Аннану… 104
12. Плутоний в борозде, мутация в клетках 112
13. На круги своя? 118
Приложение 125
Литература 133

Вячеслав Геннадьевич Моисеев
Репетиция Апокалипсиса. Тоцкое – 1954

Дизайн и верстка – Денис Безлюднев
Корректор Людмила Моисеева
Дизайн обложки – Сергей Ячменев

Формат 84x108 1/32.
Подписано в печать 23.02.2011 г.
Отпечатано с готового оригинал-макета
в ОАО «ИПК «Южный Урал»,
Оренбург, пер. Свободина, 4.
Тираж 500 экз. Заказ № .

Вячеслав Геннадьевич Моисеев родился в 1962 году в Оренбурге, окончил факультет иностранных языков Оренбургского пединститута, служил в Советской армии, работал в газете «Комсомольское племя» («Новое поколение»), пресс-секретарем губернатора, главным редактором газет «Оренбуржье», «Оренбургский курьер», «Оренбургский университет», руководителем Оренбургского бюро «Российской газеты». Сейчас – главный редактор газеты «Оренбургская неделя».

Выпустил сборники стихов и переводов «Предлог», «Тропы свободы», «Естественный отбор», книгу прозы «Теплые руки/Кольцо в стене», повесть-сказку «В поисках Живой воды» (в соавторстве с Сергеем Хомутовым). Публиковался в альманахах и журналах «Башня» (Оренбург), «Чаша круговая», «Урал» (Екатеринбург), «Врата Сибири» (Тюмень), «Под часами» (Смоленск), «Зеленый луч» (Астрахань), «Литературный Омск». В № 138 (декабрь 2008-го) журнала «Континент» вышел сокращенный вариант документальной повести «Репетиция Апокалипсиса».

Член Союза российских писателей, в 2000–2010 годах – председатель Оренбургского регионального отделения СРП. Лауреат Всероссийской литературной премии имени Д.Н. Мамина-Сибиряка и открытого Евразийского конкурса переводчиков, награжден Почетной грамотой Оренбургской области и медалью «За служение литературе».

Тоцкий полигон. 14 сентября 1954 года, 9 часов 34 минуты.

Сначала – вспышка ярче молнии. Свет – сильнее солнца. Те, кто вопреки запретам смотрели на огненный шар, лишились зрения на минуту-другую. Люди услышали страшный треск – громче грома, будто в небе руки великана рвали листовое железо. Земля качнулась, словно люлька.

В небо поднимался огромный огненный столб, его верхушка закручивалась в гигантский купол, переливавшийся всеми красками радуги. Исполинский атомный гриб стоял над тем местом, где всего несколько секунд назад шелестела дубовая роща, цвели полевые цветы, журчали родники, пели птицы.

Вскоре шляпка радиоактивного гриба оторвалась, превратясь в облако, и поплыла на северо-восток...